

СИМОН ЛЬВОВИЧ СОЛОВЕЙЧИК

Автор
предисловия
Андрей
Максимов

Педагогика
ДЛЯ ВСЕХ

СИМОН СОЛОВЕЙЧИК

Педагогика для всех

«АСТ»

УДК 159.9
ББК 88.37

Соловейчик С. Л.

Педагогика для всех / С. Л. Соловейчик — «АСТ»,

«Педагогика для всех» впервые вышла в середине 80-х годов и сразу стала сенсацией. Автор книги – Симон Соловейчик, знаменитый педагог, писатель, журналист, автор бестселлеров для детей и родителей «Учение с увлечением», «Непрописные истины воспитания», «Час ученичества» – выпустил книгу, отвечающую на вопрос, откуда берутся хорошие дети. Отчего в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие? Почему для воспитания детей одной нашей любви недостаточно? «Педагогика для всех» не предписывает, как жить и каким быть: она исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

УДК 159.9
ББК 88.37

© Соловейчик С. Л.
© АСТ

Содержание

Андрей Максимов	6
Книга первая	12
Глава 1	12
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Симон Соловейчик

Педагогика для всех

© Соловейчик С., текст
© Максимов А., предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Андрей Максимов

Дон Кихот российской педагогики

НАЧНУ С ТОГО, с чего ну, никак не принято начинать предисловия, а именно с благодарности.

Несколько лет я предлагал разным издательствам выпустить выдающуюся книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Никто не возражал. Все даже радовались: «Соловейчик? Педагогика? Воспитание? Интересно...»

И... ничего не происходило.

А в «Издательстве АСТ» произошло. Вы держите в руках книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Повторю для тех, кто пропустил: это выдающаяся книга. Ее просто обязан прочесть любой человек, вне зависимости от того, является он профессиональным педагогом или нет, и даже вне зависимости от того, взрослые у него дети, маленькие, или их нет вовсе.

Соловейчик заметил, что воспитание детей – самое древнее из человеческих дел. А ведь, действительно... Как только начали рождаться первые дети – первые взрослые начали их воспитывать. Мало того... Что такое изгнание Адама и Евы из рая, как не воспитательный акт Отца в отношении своих детей?

Поэтому неудивительно, что с тех пор, как люди научились писать – они начали сочинять педагогические трактаты. Чем с удовольствием и продолжают заниматься.

В любом книжном магазине – огромное количество книг по воспитанию. И современных авторов. И совсем не современных.

Что же отличает хорошие педагогические книги от иных?

Во-первых, хорошая книга, посвященная проблемам воспитания, должна помогать тем, кто занимается с детьми. Это должна быть практическая книга.

Я уже многократно говорил и писал о том, что в нашей стране не просто плохая система образования, а можно легко сказать, что системы такой нет вовсе. За образование своих детей, за то, чтобы они выросли достойными и счастливыми гражданами, в решающей степени отвечают родители.

Мы, родители, поставлены в такие условия, что просто обязаны быть педагогами. У нас просто нет иного выхода. И в этом сложном деле книга Соловейчика, безусловно, незаменима.

Уверяю Вас: ощущение, что Вы читаете книгу, быстро исчезнет. Ему на смену придет абсолютно реальная иллюзия того, что с Вами беседует очень умный, знающий человек, который, кажется, готов дать Вам совет в любой трудной ситуации. Замечу, что, если относиться к общению со своим ребенком, как к важнейшему делу жизни, – такие ситуации возникают ежедневно.

Но для того, чтобы педагогическая книга была выдающейся, ей мало быть только практической. Она еще обязательно должна быть и философской.

Само слово «философия» нас пугает. Нам представляется, что оно относится к древним бородатым людям, а к нам лично вообще никакого отношения не имеет. Это ошибка.

Однажды я понял, что все люди являются психологическими консультантами: все мы даем друг другу советы, опираясь, как правило, на собственный опыт и больше ни на что. И я начал работать над созданием психологической системы, которая будет обращена не к специалистам, а ко всем людям, поможет им помогать друг другу в житейских психологических ситуациях.

Как назвать эту систему? Много было вариантов, в конце концов, я остановился на слове «психофилософия». Почему? Потому что у каждого из нас есть своя психика, но есть и своя философия, даже если мы не отдаем себе в этом отчета. Ведь любой человек определенным, ему свойственным образом, относится к жизни и к смерти, к любви, к деньгам, и, конечно, к детям.

Понимаете? Философия не прерогатива ученых, а свойство каждого человека. У Вас, того, кто держит в руках эту книгу, есть своя философия жизни.

Вот такая, очень практическая и очень важная философия открывается и в книге Соловейчика. Это не заумь, а основа наших отношений с ребенком, их суть.

Чтобы не быть голословным, приведу всего одну цитату, дабы был понятен, с одной стороны, уровень мышления этого удивительного педагога и писателя, а с другой – абсолютная простота и ясность изложения.

Наугад открываю книгу, читаю: «Сын не судья своему отцу, но совесть отца – в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах, и дети его улавливают?»

Разве за этими, абсолютно ясными словами, не скрыта философия наших отношений с детьми?

Три главы книги: «Цели воспитания», «Условия воспитания», «Средства воспитания».

Три абсолютно практических беседы, выводы которых просто-таки необходимы всем родителям.

Три очень ясно написанных философских трактата, позволяющих иначе взглянуть на суть воспитания, на наши взаимоотношения с детьми, переворачивающих и голову, и душу.

Кто же такой, этот Симон Львович Соловейчик – выдающейся педагог, писатель и мыслитель?

В своем архиве я обнаружил старую театральную программку. Спектакль назывался «Изгнание Палагиных». Автор Симон Соловейчик. Постановка – народного драматического театра Дворца культуры Московского автозавода имени Лихачева. В выходных данных отыскал год – 1982.

За давностью лет спектакль я помню плохо. Но в те годы я активно занимался театральной критикой, и поэтому писал на программках какие-то, как мне казалось важные, цитаты и мысли.

О чем же, с помощью Соловейчика, я кричу сам себе через тридцать с лишним лет?

Главная тема спектакля: «Никому ничего не надо. Никто никому не нужен». Вот о чем не говорил – кричал Соловейчик в самый, замечу, разгар застоя.

Цитата: «Все пустяки по сравнению с тем, что с людьми происходит».

Еще цитата: «Быть добрым – значит, быть необыкновенным».

И еще: «Количество на заводе. В школе – качество».

И писателем, и педагогом, и публицистом он был неуспокоенным. Видел все, что творилось тогда вокруг, многое понимал. Ему самому не очень-то уютно было жить в мире, в котором добро есть качество необыкновенное.

И очень хотел достучаться, докричаться не до мира вообще, а конкретно до детей и родителей. Чтобы они берегли друг друга. Чтобы хотя бы в семье добро стало нормой.

Симон Соловейчик родился в 1930 году в семье, которая в ту пору называлась «семья служащих», но, на самом деле, была семьей интеллигентов. Его отец – журналист, писатель. Мама – доктор, во время войны была главным врачом санитарного поезда, после Победы руководила одной из московских аптек.

Подростком два года Соловейчик провел в эвакуации на Урале. Вернулся в Москву. Поступил на филфак МГУ, по окончании которого преподавал русский язык и литературу в библиотечном техникуме. Тогда же приступил к написанию статей.

Первый журнал, в котором начал свою журналистскую деятельность Симон Соловейчик, назывался удивительно, почти по-зощенковски, «Строитель стадиона». Но уже в 28 лет Соловейчик стал корреспондентом очень популярного в ту пору детского журнала «Пионер».

Перестав преподавать в школе, Соловейчик, по сути, остался поразительным педагогом. Для своих читателей в первую очередь. Но и для тех молодых ребят, которые приходили к нему в «Комсомолку». Этот вывод я, что называется, проверил на себе: Симон Львович был и навсегда останется моим учителем.

Больше двадцати лет – с 1956 по 1977 год – Соловейчик работал в «Комсомолке».

Потом – уже в 80-е годы – была «Учительская газета», где вместе с главным редактором Владимиром Матвеевым он пытался по-человечески, не формально, говорить с учителями, рассказывал о педагогах-новаторах, собирал их в Москве, итогом этих встреч стал «Манифест педагогики сотрудничества».

Соловейчик вообще очень любил это слово – сотрудничество. Он считал – и этому посвящено немало в книге, которую Вы держите в руках, – что учитель и ученик, родители и дети должны вот именно – сотрудничать.

Всматривайтесь в детей – поймете себя, – утверждал Соловейчик. Это важнейший не только философский, но, на самом деле, очень практический вывод. Он имеет к Вам, читателю этой книги, самое непосредственное отношение, не так ли?

Матвеевская команда в «Учительской газете» была разгромлена. Матвеева понизили до заместителя главного редактора, и, через год после этого Владимир Федорович умер.

Соловейчик продолжал трудиться: вел педагогические колонки в журнале «Новое время». Много ездил, в том числе и за рубеж, искал новый педагогический опыт и рассказывал о нем.

Уже в новые времена, в 1992 году, основал газету и издательский дом «Первое сентября», которые стали его последним детищем.

Я пришел в газету «Комсомольская правда» в 1974 году, когда мне еще не исполнилось 15 лет.

Как я туда попал? Мне повезло: вступительное сочинение, которое я писал, надеясь поступить в Школу юного журналиста при журфаке МГУ, было признано хорошим и опубликовано в подростковой страничке «Алый парус» при «Комсомолке». Меня позвал в газету знаменитый журналист, а впоследствии и политик, удивительно чистый и искренний человек Юра Щекочихин.

Придя туда, я еще не знал, что «Алый парус» придумал и организовал именно Соловейчик, вместе с тогдашним заведующим отделом школьной молодежи Иваном Ивановичем Зюзюкиным.

Первый выпуск «Алого паруса» вышел 25 сентября 1963 года. На дворе стояла знаменитая «оттепель», хотя «заморозки» уже случались все чаще. Ни в те времена, ни через десять лет, когда в «Комсомолку» пришел я, ни сегодня к подросткам мало кто относится всерьез. В лучшем случае, их «награждали» (и «награждают») довольно унижительным определением «трудные» и – давай с ними и педагогически работать!

Когда Соловейчик и Зюзюкин поняли, что подростки – это люди, которые имеют право на высказывание в самой популярной в ту пору газете страны, – по сути они совершили революцию!

Термина такого педагогика сотрудничества в начале шестидесятых еще не было, но, по сути, она уже начала действовать.

Для меня, мальчишки, Симон Львович Соловейчик был живой классик, и я очень хорошо помню то потрясение, какое я испытывал, когда Соловейчик (!!!) с нами – пацанами говорил заинтересованно (!!!).

Он никогда не спрашивал: «Как дела в школе?» – вопрос, от которого любой подросток готов взвыть. Он спрашивал о том, что тебя волнует и что тебе интересно. Ему – Соловейчику – было важно, чем живут школьники. Его не интересовали формальности, его волновала суть.

Когда Вы будете читать «Педагогику для всех», обратите внимание на то, что в этой довольно увесистой книге, нет ни одного формального, обязательного слова. Все – только по сути.

Соловейчик не пишет проповедь. Он высказывается. И уже дело читателя принимать это высказывание, соглашаться с ним или спорить. Но равнодушным читатель не останется никогда.

Эту манеру разговора я очень хорошо помню по тому, как он говорил с нами, мальчишками.

Тогда же, в середине 70-х, Соловейчик, вместе с журналистами «Комсомолки» Ольгой Мариничевой и Валерием Хилтуненом решили создать из нас неформальное объединение «Коммунарская бригада», сокращено – Комбриг.

Постепенно мы узнавали, что Комбриг – это, своего рода, отзвуки знаменитой Фрунзенской коммуны, которую открыл для читателей именно Соловейчик.

Боюсь, что большинству современных читателей словосочетание «Фрунзенская коммуна» не говорит ни о чем. Между тем, это было объединение, которое в самый разгар Советской власти работало с подростками по совершенно иному, вовсе не советским принципам.

Фрунзенская коммуна возникла во Фрунзенском Доме пионеров и школьников в Ленинграде (отсюда и название). У ее истоков стояли педагоги Игорь Петрович Иванов и Фаина Яковлевна Шапиро.

Уверен, что деятельность коммуны, ее принципы имели для Соловейчика огромное, если не сказать решающее значение, не случайно же он так много писал о ней.

Симон Львович составил и подготовил к печати книгу «Фрунзенская коммуна», которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1969 году. Книга имела такой успех, что через три года она была переиздана. Вот бы ее переиздать сейчас! Правда, в этом случае пришлось бы снабжать ее многочисленными комментариями: ведь многое даже просто из лексики того времени современному читателю уже не понятно. Однако, сама история и, главное, идеи Фрунзенской коммуны, убежден, будут не только интересны, но и весьма полезны сегодня.

Что ж это были за идеи? Почему они до такой степени увлекли Соловейчика, что благодаря его усилиям о Фрунзенской коммуне узнала вся страна? В той книге, которую Вы сейчас держите в руках, эти идеи, кстати, тоже свое отражение нашли.

Откроем старую книгу. «...Что может предложить коммуна? Во-первых, необычных взрослых. Взрослых, которые во всем советуются с ребятами, всегда веселые, жизнерадостные, всегда шутят...

Во-вторых, радость сделанного дела. С первого же сбора один отряд пошел на завод с концертом, второй – в детский сад чинить игрушки, третий – в библиотеку, разбирать и приводить в порядок книги.

В-третьих, коммуна может предложить такую организацию, чтобы каждый коммунар действительно чувствовал себя ответственным за всю коммуну. Полное самоуправление...»

С одной стороны, в этих идеях, казалось бы, не было ничего особенно революционного. Но, с другой, они принципиально расходились с реалиями советской школы. Поэтому, когда коммунарское движение начало развиваться слишком активно и, по сути, стало альтернативой комсомолу, его не то чтобы убили, а перестали поддерживать.

Но Соловейчик всюду, где мог, говорил об этом. Рассказывал. Объяснял. Увлекал. И когда мы, еще даже не молодые журналисты, а пацаны и девчонки, пытающиеся овладеть профессией, пришли в «Комсомолку», Соловейчик стал идеологом нашего Комбрига.

Мы проводили коммунарские сборы и собственными глазами видели, как работают коммунарские идеи.

Где мы только эти сборы ни проводили! В Москве, в Челябинске – в знаменитой школе Владимира Абрамовича Караковского. Ездили даже в школу для трудновоспитуемых девочек-подростков в Ярославской, по-моему, области: пытались с помощью коммунарских идей воздействовать на юных проституток и убийц.

Сборы длились три дня. И – удивительное дело! – зашоренные советские школьники за три дня преображались! Они, как принято нынче говорить – *реально* становились другими.

Благодаря чему? В первую очередь, благодаря абсолютно доброжелательной атмосфере сборов. Здесь никто никого не оценивал, и все друг друга слушали. Мнение каждого ребенка учитывалось. Здесь никто не заставлял никого ничего делать.

Вот мы оформляем школу в Челябинске, чтобы она выглядела повеселее. У кого какие идеи? Предлагайте – делайте. Вам нужны помощники? Кто готов помогать?

Одна из главных идей педагогической системы Соловейчика, которая никогда не декларируется, но является основой, фундаментом, сутью – доброжелательность. То есть желание добра всем тем, кто рядом, – будь это твой собственный ребенок, ученик или соратник по коммунарскому сбору.

Я собственными глазами видел, что доброжелательность, оказывается, это серьезная сила. Попав в атмосферу добра, имея при этом конкретные задачи, дети начинали проявлять свои лучшие качества. Выяснялось, что качества эти были у всех, только оставались неостребованными. А тут – пригодились.

Я помню этих трудновоспитуемых девочек, которые за свою коротенькую жизнь пережили такое, что не всякому взрослому присниться. Помню, как удивлялись они изначально доброму отношению к себе. Они к такому не привыкли! Их слушали! Их мнение было важно! С ними вместе хотели работать!

В коммунарской методике, понятно, есть своя система, есть определенная последовательность заданий. Думаю, в нашей ситуации вечной образовательной реформы истории и теории педагогики могли бы рассказать об этом подробней.

Я ни разу не теоретик и не историк. Для меня, как для участника сборов, самым главным было то, что из привычной атмосферы недоброжелательства и ежесекундного воспитания, которой славилась советская школа, я, школьник, попадал в мир, где ко мне все относились хорошо, где меня уважали, где мое мнение было важным.

Я считаю Симона Львовича Соловейчика своим учителем не только потому, что он дал мне очень много практических журналистских советов, которыми я пользуюсь всю свою жизнь. Но эти коммунарские сборы, через которые мне посчастливилось пройти, имели, конечно, решающее значение.

В первую очередь потому, что я очень явственно увидел, что доброжелательность – это сила, которая может переворачивать человеческую жизнь. Добро притягательно.

Согласитесь, одно дело, когда это просто декларируется, и совсем иное – когда ты видишь, как это все работает.

Итак, перед вами главная книга педагога, писателя, философа Симона Львовича Соловейчика.

Можно ли утверждать, что в ней представлена его собственная педагогическая система?

Убежден, что можно. Также уверен в том, что система эта очень поможет, в первую очередь родителям, не только наладить контакт со своим ребенком, но и раскрыть маленького человека.

Для Соловейчика ребенок – это личность.

«Мы воспитываем не ребенка, а человека, – пишет Соловейчик. – Каждому человеку, сколько бы ему ни было, хоть полгода, нужно, чтобы его считали человеком... Считайте чело-

века за человека – больше для воспитания ничего не нужно, здесь – правда, только правда и вся правда».

Когда я стал заниматься своей психофилософской педагогикой, именно этот вывод стал для меня принципиально важным: ребенок – это личность! Если мы научимся к нему относиться так, это поможет решить огромное количество педагогических проблем.

Ребенок – это человек, у которого мы можем очень многому научиться, который не только меняется под нашим воздействием, но и безусловно меняет нас.

Симон Львович Соловейчик был высокий, худой, слегка сутулый человек с очень интеллигентным и добрым лицом. Его глаза, за стеклами очков, всегда смотрели на мир чуть удивленно. И это все делало его похожим на Дон Кихота.

Дон Кихот – это тот, кто живет так, как считает нужным. Живет, защищая свои принципы, даже, когда это вполне кровавая защита.

Таким был Соловейчик. Дон Кихот российской педагогики. Абсолютно добрый. И абсолютно непримиримый в тех случаях, когда речь идет о детях. Мудрый и точный в своих очень глубоких работах.

Именно поэтому его книги не только не устарели, а, кажется, стали еще более актуальными.

«Педагогика для всех», которую Вам сейчас предстоит прочесть, кого-то поддержит в его педагогических устремлениях: я не один так думаю, значит, я прав. А чьи-то убеждения, я уверен, поколеблет или даже перевернет.

Эта книга необходима всем, кто считает: нет более важного дела на земле, чем помочь раскрыться и попробовать помочь стать счастливым собственному ребенку.

Я оставляю Вас наедине с потрясающим собеседником.

Книга первая

Человек для человека

Глава 1

Цели воспитания

1

Не без смущения, не без страха предлагаю я эту книгу. Одно могу сказать в оправдание: я не собирался, я не хотел! Почти сорок лет занимаюсь я детьми, воспитывал чужих и своих, работал вожатым и учителем, писал о детях и для детей; но однажды я задал себе вопрос: отчего это в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие?

Когда мы встречаемся с бездушными, бессердечными, бессовестными людьми, мы обычно спрашиваем: «Откуда? Ну откуда же?!» Попытаемся отыскать самый корень – не бесчеловечности, нет! – корень человечности отыскать.

Нам всем приходится воспитывать друг друга, потому что мы не умеем воспитывать маленьких детей.

Обычно пишут: «Автор призывает нас...» Нет! Автор не призывает. В этой книге исследуется процесс воспитания детей, и притом не трудных, а обыкновенных. Попытаемся понять, что же происходит между нами и нашими детьми, когда мы их воспитываем, и какую силу имеют различные наши педагогические действия, что возможно в воспитании и что невозможно, что из чего получается.

Даже дети знают, откуда берутся дети; но откуда берутся хорошие дети?

Педагогика для всех – наука довольно жесткая, как и все науки. Она не предписывает, как жить и каким быть, она даже не прописывает рецептов воспитания: она лишь исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

Так получается, а так – нет. Вот все, что может сказать педагогика, но это немало.

2

Воспитание детей – старейшее из человеческих дел, оно ни на один день не моложе человечества; оттого оно кажется несложной работой: все справляются, и мы справимся. В действительности взгляд этот обманчив, я бы даже сказал – коварен. В самом деле, ни в какой другой человеческой деятельности итоги не отличаются так разительно от затраченных усилий.

Воспитание зависит от трех переменных: взрослые, дети и отношения между ними. Это задача с тремя неизвестными из трех! Математики за нее не взялись бы.

Попытаемся решить ее, насколько это возможно. Переберем все три неизвестные величины: первая глава книги посвящена родителям, вторая – детям, а третья, соответственно, отношениям между родителями и детьми.

Должен предупредить, что многим книга покажется слишком трудной, слишком «философской». Потрудимся. Как бы высоко ни занесла человека судьба, как бы круто ни обошлась она с ним, счастье его или несчастье – в детях. Чем старше становишься, тем больше это понимаешь.

3

Этого мальчика зовут Матвей, Матусь, Матусик. Друзья подшучивают надо мною:
– Педагогика от Матвея!

И действительно, неизвестно, кто кого воспитывает: мы его или он нас.

Да, дети сильно затрудняют жизнь, с ними никак не управиться, но ведь еще сильнее они помогают нам, причем в главном – помогают человеку управиться с самим собой.

И разве не все мы посланы в эту жизнь? Не все призваны?

Для чего – призваны? Для чего – посланы?

Нам не справиться ни с одной загадкой в воспитании и не ответить ни на один самый простой вопрос, пока мы не знаем, для чего мы сами-то призваны в жизнь. Тут мы все и попадаемся, даже культурнейшие и умнейшие из нас: мы думаем, будто есть ответы на простые вопросы – без сложных, будто можно ответить на бытовой вопрос воспитания – без ответа на вопросы этические. А это невозможно.

Мы спрашиваем: «Что делать, если ребенок...» – что делать, если ребенок непослушен, упрям, капризен, медлителен, неряшлив, грубит, плохо учится, ленится, грызет ногти, поздно приходит домой, вообще не выходит из дому, не читает, только и делает что сидит над книгой, курит, ворует, обманывает, связался с дурной компанией, не имеет товарищей, жаден, скрытен, скуп, застенчив, необщителен, труслив, несамостоятелен, безвольный, нечуткий, невнимательный, злой?

Но ответов на уровне «Что делать, если ребенок...» нет, они живут, эти ответы, в другой сфере – в этической.

4

Вот так началась жизнь Матвея: он родился в тот день, когда его старший брат ушел служить матросом на Северный флот, а старшая сестра его заканчивала школу. А он явился, деловитый, словно для того, чтобы мы все подобралась и вошли в то особое расположение духа, для которого нет слова в языке – не назвать ли его *детным* состоянием?

Одни из нас живут в мире без детей, а другие – в мире, полном детей. Дети составляют если не весь смысл жизни, то, во всяком случае, важную часть этого смысла. Такой человек не может пасть духом, отчаяться, залениться – у него есть дети, их надо кормить, им надо подавать пример бодрости и человечности.

Дети связывают нас с миром. Рождаясь, ребенок словно выныривает из вечности, и, общаясь с детьми, мы как бы приобщаемся к вечности.

Детного человека легко узнать: дети ему интересны. Для *недетного* человека ребенок прежде всего объект воспитания. Протянув ребенку яблоко, такой человек обязательно напомним: «Ты, кажется, забыл что-то сказать?» Он не получает радости от того, что у ребенка есть вкусное яблоко, его радует только воспитанность, он не знает других отношений с ребенком, кроме воспитательных, и школьнику он умеет задать лишь один вопрос: «Как учишься?»

Сын не судья своему отцу, но совесть отца – в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах и дети его улавливают?

Театральному режиссеру начальство предложило не совсем благовидную сделку с совестью. Режиссер возмутился: «Что вы? У меня же сын растет!» Начальство не поняло: при чем тут сын? Кто трогает его сына? Но режиссер стоял на своем. Он не мог поступить бессовестно, потому что у него есть сын, – на этом основании!

Нельзя – дети видят. Нельзя – здесь дети. Нельзя – что скажут дети? Нельзя – у меня же дети есть! Детным людям нельзя поступать дурно по той простой причине, что в мире есть дети.

Одни из нас всю жизнь живут в детном состоянии, другие всю жизнь в бездетном, третьи то забываются, увлеченные потоками трудов, страстей и забот, то вновь вдруг вспоминают, что у них есть дети.

Но если у нас что-то не получается с детьми, то, может быть, причина в том, что мы не замечаем их? Тогда помочь трудно. Воспитывать детей, не будучи в детном состоянии, почти безнадежное дело.

...Кровать на колесиках ходит ходуном. Энергично прыгая в ней, Матвей научился разъезжать по комнате. Под вечер оставим его одного, думаем, что уложили – все, отбой! А он подойдет к двери, приоткроет ее, высунется:

– Э-а! Э-а (Как вы тут без меня?)

И надо бы на него рассердиться, но никто не может. Мама игровым грозным голосом говорит:

– Это что такое? Ну-ка!

Мальчик смеется, и его водворяют на место.

5

Чего мы ждем от детей? Да радости, конечно, чего же еще. Из одних лишь надежд на будущее или из одного только сознания общественного долга мало кто стал бы обзаводиться детьми.

Можно порассуждать о том, что дети – наше будущее, залог бессмертия; можно смотреть на мальчика как на продолжателя рода; можно растить детей в надежде, что они будут опорой в старости, – это все так. Но детному человеку дети доставляют радость, и этим все сказано.

Иногда люди так и объясняют, отчего у них нет детей:

– Да какие теперь дети? Какая от них радость? Вон у моих знакомых...

Каждый легко продолжит, что же именно произошло «у знакомых», «у соседки», «у сослуживцев».

Историям разочарования в детях нет конца.

Вот наши дети, в нашем доме – что нам нужно, чтобы они и сейчас, и через пять лет, и через двадцать пять приносили радость, а не разочарование? Какими мы хотим их видеть?

6

У каждого из нас, даже если мы об этом не знаем, живет в голове образ Идеального Ребенка, и мы незаметно для себя стараемся подвести реального нашего ребенка под этот идеальный образ. Что бы ни сделал, что бы ни сказал малыш, мы автоматически сличаем его поступок и слово с образом Ребенка в голове, и если сходится – то мы хвалим сына, если расходится – осуждаем. Можно сказать, что живой мальчик зависит не от папы, а от своего идеального сверстника, который поселился в папиной голове. И не от мамы зависит, а от образа Ребенка, поселившегося в маминой голове. Мы воспитываем детей вовсе не по своему образу и подобию, своего образа почти никто не знает, а по какому-то сочиненному нами образу.

И первое разочарование нас ожидает, когда оказывается, что, несмотря на все наши старания и усилия, живой мальчик никак не хочет отвечать образу Идеального Ребенка, несколько на него не похож. У других дети как дети, а наш? Уж не достался ли нам какой-то не такой ребенок, вроде бракованного холодильника? Еще хорошо, что мы не просим заменить этого ребенка на другого, исправного.

Но настоящее уныние охватывает родителей, когда дети, которые росли вроде бы правильно, вырастают и оказываются негодными людьми, от которых никакой радости ни родителям, ни окружающим их, никому.

Понять причину, происхождение, природу этого величайшего из разочарований, какое только может постигнуть человека, очень важно.

Ребенок отличается от взрослого тем, что у него есть будущее, ему предстоит и вторая, взрослая, жизнь. Ребенок в наших глазах – это лежащее будущее, потом сидячее, ползающее, ходящее, бегающее и прыгающее. Но поскольку у него две жизни, детская и взрослая, то и образ его в нашей голове двоится. Мы видим Петю сегодняшнего, но загадываем о Пете будущем, это естественно. У нас есть образ Идеального Ребенка, но есть и образ Идеального Человека, мужчины или женщины.

Но два образа, Ребенка и Человека, довольно часто расходятся в одной и той же родительской голове. В этом истинная причина наших разочарований. Образ Человека мы конструируем для взрослой жизни, в нем главное – самостоятельность. А образ Ребенка нужен нам такой, чтобы легче было справиться с трудной работой воспитания, в нем главное – несамостоятельность, потому что своевольным ребенком сложнее управлять. Образ Человека – для одной цели (жить!), а образ Ребенка – для другой (воспитывать!). Но если в одной воспитательной голове два несовместимых образа, то воспитание разлагивается, и мы перестаем что-либо понимать. Мы хвалим мальчика тогда, когда следовало бы отнестись к нему с долей осуждения, и браним, когда надо было бы хвалить. Мы ждем от него одного – и в то же время другого, мы запутываемся сами и запутываем сознание ребенка. В результате во всех порах семейной жизни, как пыль, накапливается раздражение. Все недовольны друг другом, все легко раздражаются, все чего-то требуют друг от друга, и никому не угодишь.

Педагогическая постройка рассыпается.

7

Итак, нам нужно заняться тем Идеальным Мальчиком, той Идеальной Девочкой, которые живут в наших головах. Если уж перевоспитывать кого-нибудь, то сначала их, а не реальных наших детей. Нужно создать такой образ Ребенка, чтобы из него непротиворечиво вырос образ Человека – и сам человек.

Но каков тот образ Человека, который кажется нам привлекательным и манит нас? Иначе говоря, каковы на самом деле цели нашего воспитания? Сначала кажется, будто их много; но расспросите любых десять человек – и все скажут примерно одно и то же, причем в одних и тех же словах. Образ Человека у всех примерно одинаковый.

И наша беда не в том, что мы не умеем добиваться целей – умеем, все умеют. А в том, что довольно часто говорим и даже думаем, будто хотим одного, – а на самом деле хотим чего-то совершенно иного, и этого-то, иного, мы и добиваемся.

С предельной ясностью поймем, чего же мы хотим, чего мы сами хотим, вы хотите, читатель, – и наш внутренний механизм начнет подстраиваться на цель, сам собою начнет меняться руководящий нами образ Ребенка, и нам будет легче с детьми.

8

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что человек должен быть хозяином собственной жизни; а для других – кормильцем, поильцем, помощником, заступником, защитником. Самостоятельность – это и есть первая цель воспитания. Родившегося у нас беспомощного младенца мы должны вырастить и поставить на ноги, чтобы он был достаточно здоров, достаточно раз-

вит и обучен. Чтобы помочь родителям в достижении этой цели, государством создана система образования, общего и профессионального.

Но образование оказывается почти бесполезным и не ведет к самостоятельности, если не вырабатывается у человека внутренняя самостоятельность, не укрепляется тот жизненный хребет, от которого зависят все другие качества, подобно тому как физические наши силы зависят от крепости позвоночника.

Ускользающий от нас секрет слова «самостоятельность» заключается в том, что самостоятельный – значит свободный. То есть у него шире пространство жизненных выборов. И чем свободнее человек, тем значительнее может быть его выбор, тем сильнее выбор влияет на судьбу. А значит, и ответственности за сделанный выбор у него больше.

Несвободного за ложный выбор наказывает кто-то (родители, сверстники, закон), свободного за неудачный шаг наказывает жизнь. Свобода человека определяется источником наказания за ошибки; совершенно свободен человек, если источник наказаний в нем самом, и нигде больше. Для такого человека полная свобода поведения – это максимум ответственности, это крайне напряженная нравственная и духовная жизнь.

Напряженная, трудная, опасная! Для неразвитых людей она буквально невыносима – как трудна, например, для некоторых молодых парней жизнь «на гражданке» по сравнению с армейской. Они мечтают о дисциплине, потому что не могут справиться с собой на свободе, их давит тяжесть ответственности перед жизнью, они предпочитают зависимость. Так и подростки, не знавшие свободы в детстве и не научившиеся обращаться с нею, вдруг освободившись от родительского надзора, быстрее торопятся примкнуть к какой-нибудь компании сверстников, где царит самое суровое подчинение. Для духовно развитого свобода – крылья, для неразвитого – бремя. Поскорее сбросить его с себя, взвалить на плечи другого! Когда мы наказываем ребенка, мы не усложняем его жизнь, как думают, а облегчаем, и притом опасно облегчаем. Мы берем выбор на себя. Мы освобождаем его совесть от необходимости выбирать и нести ответственность, мы перехватываем у жизни право наказания, мы ставим заглушку на источник самостоятельности. И если мы постоянно наказываем, осуждаем, делаем замечания, то вырастают люди, которые боятся самостоятельности, боятся свободы. По всем представлениям человек должен бы стремиться к свободе – но нет, он стремится прочь от нее, бежит от самостоятельности. Это, так сказать, восьмой смертный грех: конформизм. Человек не хочет быть свободным даже в мыслях! Ему показывают бумажную полоску в десять сантиметров, но все окружающие, сговорившись, утверждают, что в ней только шесть или семь сантиметров, и человек в руках психолога-экспериментатора, заикаясь и смущаясь, говорит не то, что видит, а то, что люди говорят. Он несамостоятелен, он как все, он конформист. Руки могут быть в мозолях, ум изощрен, память забита знаниями, а дух спит, не развит. К ответственному выбору человек не способен, боится его, живет в полной зависимости от своего окружения, от сослуживцев, от жены, от каких-то темных сил, поднимающихся из глубины его души. Самостоятельным его никак не назовешь.

9

Но отчего одни дети и подростки, имея свободу, раскованны, а другие распушенны?

Разница в том, как пришла к ним свобода. К ответственности ведет не та свобода, что дана или подарена, а та, что добыта собственным усилием. Ребенка и подростка развивает не свобода, как иногда думают, а собственное действие по добыванию свободы, самоосвобождение. Достичь подлинной самостоятельности можно только самоосвобождением. Ребенок и на свет появляется сам – самоосвобождением.

Запомним это слово, быть может, относительно новое для вас и редкое в педагогических книгах – самоосвобождение.

Когда ребенка оставляют без внимания, без надзора, без влияния взрослых, короче говоря, без воспитания, когда он растет вроде беспризорного, – он борется за себя в компании сверстников, на это уходят все его силы, и он вырастает духовно бедным человеком (хотя возможны, конечно, и исключения). Когда ребенку приходится освобождаться от опеки родителей, когда он борется за свободу в семье, то скандалы кухонного типа не дают толчка для развития. Подросток добывает внешнюю независимость, внешнюю свободу – чтобы сменить ее, как уже говорилось, на зависимость от сверстников. Для него свобода – лишь разменная монета: здесь добыл, там продал. Самоосвобождения не происходит.

Таким образом, ценность самоосвобождения зависит от значительности противника. Одно дело – освобождаться от мелочных родительских запретов, другое – от темноты, от трусовости, от засилья дурных людей.

Если в семье мир, если ребенок с первых шагов чувствует себя свободным и знает вкус самостоятельности, то он стремится стать лучше, сильнее, старается освободиться от собственной слабости, неумелости, то есть его порыв к самоосвобождению растет. Порыв к самоосвобождению, поддержанный старшими, и дает самостоятельного, свободного, раскованного – воспитанного – человека. Да и вообще освобождаться увлекательнее, чем воспитываться.

Вон идет пятнадцатилетний мальчик; взгляните в его глаза, присмотритесь к его походке, перекиньтесь с ним двумя словами, и вы сразу увидите, кто перед вами: скованный человек? раскованный? распушенный? свободный или несвободный? воспитанный или невоспитанный? Распушенный подросток в непривычном для него обществе держится неловко, скованно. Воспитанный же человек, свободный, всюду и везде раскован, свободен в движениях и поступках, он всюду один и тот же.

Воспитание – это научение свободе, научение самоосвобождению.

10

Первый шаг ребенка к свободе – рождение. Ребенок вырывается на свет. Сам! Возможности его, прежде почти нулевые, вдруг возрастают в миллион раз, и мы скорее пеленаем его, чтобы он не наделал себе вреда.

Второй шаг к освобождению: ребенок выходит из колыбели. Если его не спустить на пол вовремя, то он сам шагнет через решетку кровати, и хорошо еще, если не вниз головой. Снова в тысячу раз увеличиваются возможности и в тысячи раз – опасности. И перестраивается внутренний мир.

Первый шаг ребенка – это и первое «нельзя». Туда нельзя, упадешь, разобьешься! Вот, быть может, самая горячая точка воспитания: первый месяц после того, как ребенок научился ходить. Это как увертюра: с чего мы начнем? С бесконечных «нельзя» – или будем стараться обходиться без них? Можно кричать «нельзя», когда ребеночек тянется к электрической розетке, а можно заклеить ее пластырем, коль скоро в доме маленький ребенок. Убрать книги с нижних полок. Переставить крючок в ванной повыше, чтобы маленький не мог запереться изнутри.

Обычно родители, желая облегчить себе жизнь, хотят, чтобы ребенок поскорее усвоил запреты – но так ли это хорошо? Надо ли торопиться? Кто знает, может быть, в этой свободе под надзором, которой больше никогда не будет, то есть в полной внутренней свободе вызревают и способность любить, и тяга к самоосвобождению. Она так велика, что ребенок во всем перечит родителям. Сам! Выходит с мамой из автобуса – «Я сам!» А ведь разобьется. Мама подхватывает его под мышки, держит крепко, но приговаривает: «Сам, сам! Вот молодец, сам!» Он все делает наперекор, это называют «негативизмом» – стремлением к отрицанию. Но он ничего не отрицает, он отдается мощному, ничем пока что не ограниченному стремлению к самостоятельности. Для него свобода дороже цели и успеха. Он лучше разобьется, но – сам. Так дитя

превращается в личность, а личность – это «самость». «Сам». «Я сам». И если оно, это стремление, укрепит, станет ведущей чертой характера, то все дальше будет легче, и даже подростковый трудный период будет нетрудным. Мы даем укрепиться стремлению к самостоятельности в безопасном возрасте, когда ребенок под надзором. Иначе это стремление прорвется в переходном возрасте, когда бунт и негативизм могут привести и к плохим последствиям.

Мы приучаем к свободе в пять лет – тогда к пятнадцати подросток уже умеет пользоваться ею. Кто не захотел мучиться с мальчиком от двух до пяти, а вышколил его, сделал удобным для воспитания, тот почти наверняка хлебнет с ним горя в его пятнадцать-шестнадцать лет, если, конечно, не родился какой-то особый, может быть, даже флегматичный ребенок, из тех, про которых мамы говорят: «А мой такой – посадишь его, он и сидит». В старину говорили: нянчиться с маленьким ребенком, не придется нянчиться со взрослым.

Третий шаг еще более значительный: ребенок, освоив дом, выходит во двор (или в детский сад). Теперь он вступает в долгий период полусвободы-полунадзора, и начинается обучение ответственности. Сначала мама еще рядом, она предупредит об опасности или защитит. Надзор – он же и защита, многие люди и всю жизнь с радостью провели бы под надзором. Потом мама уходит домой, но и ребенок может скрыться, спрятаться дома. Он устает во дворе не от игр, а от самостоятельности. Он бежит домой, но горе ему, если его встречают суровым: «Ты где шлялся? Ты посмотри на себя, на кого ты похож?» Дом должен быть норкой для маленького ребенка и берлогой для большого, для подростка. Когда бы и откуда ни вернулся сын домой, встретим его с радостью. Из многих и многих воспитательных мер я не знаю более сильной, более значительной по влиянию на судьбу, чем радость родных, когда человек входит в свой дом. Все дети, видимо, делятся на тех, кого встречают с радостью, и на тех, кого встречают безразлично, хмуро, сердито. С выговорами и нотациями.

Так просто! Когда сын, сколько бы ему ни было, выходит из дома, мама каждый раз (и даже если у нее гости) провожает его и всегда повторяет: «Осторожнее на улице!», а когда хлопнет дверь – сын вернулся, мама встречает его (даже если у нее сто гостей!) – встречает с радостью. Где он ходил, мы не всегда знаем и знать не можем, но мама все равно была с ним, он от нее ушел, к ней вернулся. Он еще не совсем справляется с собой, но мама с ним, мама в нем, мама добавляет недостающую силу. Ослабляется надзор – должна усиливаться внутренняя, душевная связь с домом, она заменяет надзор. А если ни надзора, ни внутренней связи – пиши пропало.

Но вот и следующий шаг: ребенок выходит со двора в школу. Теперь родительский надзор практически невозможен, на контроль нечего надеяться; теперь затаись, не дыши и старайся дать сыну или дочери побольше домашнего тепла. Он ведь как на передовой сейчас, маленький первоклассник, еще не умеющий открыть свой собственный ранец, а мы – тыл, тыловая служба. Горе мальчику, если на него наступают в школе и предают в тылу, если на него обрушиваются со всех сторон!

Следующий шаг невидимый: выход из детства. В некоторых цивилизациях он отмечается особыми обрядами «инициаций». Бывает, ребенку меняют имя или ему приходится пройти суровейшие физические испытания. С наступлением отрочества освобождается стопор сжатой прежде пружины полового развития, девочка постепенно превращается в девушку, мальчик – в юношу: «Безвестных наслаждений ранний голод меня терзал...»

С новыми неясными мучительными желаниями освобождаются силы характера, дремавшие прежде. Происходит как бы второе рождение – другой человек, новый, взрослый, и теперь он может сам добыть то, чего не дали ему родители. С другой стороны, в нем, взрослом, исчезает все то, чего мы так старательно добивались, – исчезает способность к послушанию. Теперь все зависит от крепости внутренней связи с домом. Сумели с детства сделать ее прочной – переживем и трудное время; не сумели – намучаемся.

И наконец, наши дети выходят из школы – в мир, а затем из родительского дома – в собственный. У них появляется семья и свой первый ребенок. Цикл закончен. С рождением детей как бы заканчивается и рождение родителей. Ведь самый глубокий, биологический смысл воспитания – превращение детей в родителей. Из детского состояния они переходят в детное.

Теперь молодой человек полностью свободен от родительского надзора. Он должен сам регулировать свое поведение, иначе он, увы, вполне может вернуться в прежнее положение для доучивания: его лишают свободы, устанавливают полный надзор, и почти никакой у него теперь ответственности.

Выход в жизнь, выход из колыбели, выход из дома, выход со двора, выход из детства, выход из школы, выход из семьи – вот семь главных периодов на пути от рождения до рождения. А там – жизнь и, наконец, абсолютная свобода от всякой ответственности – смерть.

Чтобы от выросших детей была радость, они должны быть полностью независимы от нас материально – и полностью соединены с нами душевно. Чтобы навсегда сохранялось тепло отношений. Ах, какая бывает радость от взрослых детей! Она ни с чем не сравнима, у нее вкус другой, от нее замираешь. Если же идеал кажется недостижимым (полная независимость – полное соединение), то лишь потому, что мы, родители, чья первая цель – самостоятельность ребенка, почему-то боремся с этой самостоятельностью не устывая... Между тем Макаренко открыл, что жизни на свободе можно научить только жизнью на свободе. Он и преступников учил свободе – свободой, ответственности – ответственностью, а не лишением того и другого.

Придержим рвущиеся из души вопросы: «Но как, но как же?» и «Но что же делать?». Мы пока строим лишь одну стену воспитательной постройки, а одна стена не держится. Вся остальная часть книги и представляет собой ответ на простейший с виду вопрос: как вырастить самостоятельного человека?

11

Чтобы понятно ответить на какой-нибудь вопрос, нужно пользоваться понятными словами. Тут-то и поджидает нас скрытое препятствие.

Сотни лет повторяет мир иронически-грустную шекспировскую фразу: «Слова, слова, слова...». Имеются в виду возвышенные слова, которыми так часто прикрывают пустоту.

Но что же делать? Педагогика без высоких слов и понятий – обман, обман, обман... В высоких словах может содержаться ложь, а без них все оборачивается ложью неминуемо. Вот и выбирай.

Решительно выбираем! Идите сюда, слова-принцы и слова-нищие, слова, над которыми посмеиваются и без которых не могут жить, блестящие и затертые, содержащие и высшую правду, и самую безобразную ложь, слова, от которых, как нам кажется, ничего не зависит, но от которых на самом деле зависит все. Идите сюда, слова несерьезных, неделовых людей: совесть, правда, честь, свобода, сердце, радость, счастье, красота, добро, вера, надежда, любовь, справедливость, нравственность, долг, дух, душа и духовность.

Без этих понятий нам не справиться с детьми.

Есть рыцари толкового словаря, до того преданные точному мышлению, что о каждом слове с азартом спрашивают: «А что это такое? А что вы под этим понимаете?» Спокойно! К концу книги все необходимые понятия будут если не определены, то разъяснены и сопоставлены. Больше тревожит другое возможное обвинение – в бесцеремонности. Высокие слова поэтичны, высокие слова святы, к ним и прикасаться-то – кощунство.

Но мы занимаемся делом, нам детей растить, нам придется преодолеть страх и разбирать высокие слова, рассматривать их, заглядывать в них и пользоваться ими как инструментом. Простите нас, высокие слова!

Говорится: видимо-невидимо...

В воспитании детей всё видимо – и невидимо. Но пока мы пытаемся рассуждать и действовать на уровне видимого, ничего не получается, и мы даже не можем понять отчего.

Займемся непривычными нам явлениями, невидимыми, на уровне высоких слов. От них, а не от чего-нибудь другого зависит успех видимого воспитания.

12

Мама чаще всего говорят о ребенке так:

– Был бы человек хороший, больше мне ничего не нужно.

Именно в таком порядке слов: «человек хороший», с ударением на «человек».

Все устали от дурных людей, от бесстыжих слов, от бессовестно сделанных вещей, от элементарной непорядочности. Устали от людей, безразличных к людям.

В исследовании, проведенном психологами, когда испытуемым предложили список из пяти качеств, важных для человека, большинство поставили слово «доброта» на первое место. Мы все мечтаем о добром окружении.

Но когда этим же самым людям предложили такой же точно список – но для себя, то слово «добрый» было сброшено с чемпионской первой ступени на третье-четвертое место. «Вы, пожалуйста, будьте добрее ко мне, а у меня доброты хватит» – так это нужно понимать.

Каждый из нас кажется себе очень добрым; отчего же в мире так не хватает доброты? Каждый склонен ждать добра от другого, а не от себя.

Несмотря на общую нашу тоску по совести и добру, у человека есть основания сомневаться: доброта и честность – это достоинство или недостаток? Сила или слабость?

В этом сомнении – всё. Тут сердце, нет, тут сердцевина всех наших воспитательных стараний.

Воспитать честных и добрых детей, воспитать «человека хорошего» можно, и притом в любых, даже самых отвратительных обстоятельствах; но для этого необходимо, чтобы кто-нибудь рядом с детьми, хоть один человек из многих – вы, читатель, или кто-нибудь другой – искренне, глубоко, не сомневаясь – то ли с детства не сомневаясь, то ли победив сомнения, – верил, что доброта и честность, или любовь и совесть (что одно и то же), не только не слабость человеческая или глупость, но в них-то вся сила, в них весь разум мира.

Любовь и совесть правят миром.

В этой строчке, которая может вызвать и усмешку, в этой строчке, где каждое слово может показаться напыщенным, в этой ничего не значащей для многих людей сентенции – в ней бьется живое сердце воспитания. Вся судьба детей, вся наша детная жизнь – в этих словах, в том, что за ними скрыто.

13

Любовь и совесть правят миром людей. Мы не всегда это замечаем, как не чувствуем воздуха, которым дышим, но испытываем удушье, когда его не хватает. Да, воздух загрязнен, загазован, дышать трудно, только об этом и говорят: какой, дескать, теперь воздух? Но дышим мы все-таки по-прежнему – воздухом, питаемся кислородом, в нем содержащимся. Любовь и совесть – кислород нравственной атмосферы, в которую каждый из нас погружается с первым вдохом, с первым криком. Не все мы верим в силу любви и совести, сомневаемся даже в их существовании (а есть ли любовь? есть ли совесть?), но всякое их ослабление делает жизнь невыносимой. Для каждого в отдельности и для всех вместе.

Одни думают, будто можно прожить без любви и совести; другие говорят: «Любовь! Только любовь!»; третьи стремятся к правде, справедливости, совести. Но в предложении «Любовь и совесть правят миром» главное слово – «и». Союз. Соединение. Слияние. Содей-

ствие. Сосуществование. Здесь главная нервная точка всей нравственной жизни, здесь единый центр бесконечного числа кругов, описывающих всю нашу жизнь, все наши поступки, все наши отношения, – в этом маленьком, как и подобает быть точке, «и».

Совесь охраняет доброту, добро очищает совесть. Совесть наступает, требуя справедливости, любовь прощает и позволяет отступить. Совесть непримирима, любовь мирит. Совесть разводит людей, любовь сводит их. Совесть требует казни, любовь призывает к милосердию.

Одной лишь любовью, без правды, без совести, ребенка не вырастишь. Одной лишь ответственностью, без любви и великодушия, ребенка погубишь.

Но миролюбие и совесть, любовь и правда не всегда уживаются. И только высочайшее миролюбие совестливо само по себе, и полна любви высочайшая совесть. Только на пиках любовь и совесть сходятся, становясь красотой. Совесть и любовь сталкиваются, совесть и любовь едины – оттого красота всегда живая. Оттого и говорится, что красотой мир спасен будет! Любовью и совестью. Правдой, согретой любовью.

...Высокие слова, отвлеченные. «А меня, – слышу я, – беспокоит мой Петька. Он опять не пришел из школы домой, шатается где-то!»

Но это все про Петьку. Это все для Петьки. Чтобы он по-прежнему шатался где-то целыми днями, мальчишки и должны шататься, но чтобы с толком!

14

Любовь и совесть правят миром. Я пишу эти строчки в шесть утра, на кухне, и притом на чужой. Истертая клеенка на столе, помятые алюминиевые кастрюли над плитой, хозяйка дома – старые люди. Я оглядываюсь вокруг. Всматриваюсь в свою жизнь – да так ли? Сомнение охватывает меня, как и каждого человека схватывает иногда сердечная боль. Да так ли?

Любовь и совесть правят миром.

Нет-нет, читатель, я не уговариваю вас жить по совести, кто я такой? Я просто обращаю ваше внимание на одно педагогическое обстоятельство: если мы хотим, чтобы наши дети выросли добрыми и честными людьми, то мало быть такими же по отношению к детям, хоть это трудно. Но надо еще и верить в любовь и совесть – и более простого способа достичь своей цели в воспитании нет. Да, Петька шастает где-то, но мама встретит его сурово и нежно, потому что в ее душе любовь и совесть.

Свойства и судьба детей строго зависят от того, какое из пяти нижеследующих высказываний (разумеется, таких градаций не пять, а бесконечное множество, потому-то люди и разные) кажется нам достоверней:

1. В мире нет ни любви, ни совести.
2. А есть ли в мире любовь? Есть ли совесть?
3. Нет, все-таки в мире есть любовь и совесть.
4. В мире есть любовь и совесть.
5. Любовь и совесть правят миром.

И тому, кто находится на уровне первого утверждения или близок к нему, тому, боюсь, не помогут в его делах с детьми ни советы, ни консультации, ни доценты педагогики, ни профессора психологии. Так – не получается.

Если бы здесь было сказано: «Зимой дети должны ходить в обуви», никто не стал бы возражать или спрашивать, где ее взять. Кто заботится о детях, тот где-нибудь да найдет ботинки, не вступая в спор, нужны они или нет. Точно так и в невидимых нравственных делах. Справедливо утверждение относительно любви и совести или несправедливо, трудно оно дается или мучительно, нравится оно или вызывает возмущение, но для воспитания честных и добрых людей необходимо верить в правду и любовь.

Детным людям нельзя не верить в красоту нравственного мира, иначе мы не воспитываем, а развращаем детские души. Будем верить в его красоту – ради детей и вместе с детьми.

15

Мы не первые на земле живем, и до нас люди жили, и до нас детей воспитывали, и всегда были честные и бессовестные, добрые и злые, и всегда казалось, что время невыгодно для воспитания. Как вырастить хороших людей в дурных обстоятельствах? – это старинная проблема, и всегда одни люди решали ее, а другие находили оправдательные причины для объяснения бесчестности и недоброты выросших своих детей: мир виноват. Но в одном и том же мире есть хорошие школы и плохие, хорошие семьи и дурные, хорошие дети и ужасные. Воспитание зависит от мира, но оно и не зависит от него, автономно. Иначе в каждом обществе все люди были бы одинаковы.

Как оставлены нам леса, озера, поля, реки – земля, так оставлены богатства любви и совести. И точно так же, как беспокоимся мы о сохранности тех природных богатств, должны мы думать о сбережении богатств нравственных – в нашем доме, в нашей семье, в наших детях.

Трудно держать в уме множество воспитательных целей, все равно не удержишь. Если наши дети будут совестливы и добры, этого достаточно, все остальное приложится. Из школы, из жизни они сами будут выбирать и вбирать в себя все доброе и честное. Будет основа – и серьезное воспитание во всех его видах и направлениях пойдет им впрок.

Но нельзя строить третий и пятый этажи там, где нет фундамента.

16

Любимый вопрос родителей: «Как подготовить ребенка к школе?» Учителя и психологи отвечают: приучайте его к аккуратности, учите быть внимательным и так далее – как будто в школе только уроки, учение, учитель. Но в школе класс, другие дети, товарищи! Подготовим маленького к самостоятельной жизни среди сверстников, попытаемся научить его простым правилам детского общежития.

Не отнимай чужого, но и не все свое отдавай.

Попросили – дай, пытаются отнять – старайся защититься.

Не дерись без обиды.

Не обижайся без дела.

Сам ни к кому не приставай.

Зовут играть – иди, не зовут – попросись, это не стыдно.

Не дразни, не канючь, не выпрашивай ничего. Никого два раза ни о чем не проси.

Из-за отметок не плачь, будь гордым. С учителем за отметки не спорь и на учителя за отметки не обижайся. Делай уроки, а какие будут отметки, такие и будут.

Не ябедничай за спиной у товарищей.

Не будь грязнулей, дети грязнуль не любят, не будь и чистюлей, дети не любят и чистюль.

Почаще говори: давай дружить, давай играть, давай водиться, давай вместе домой пойдем.

И не выставляйся! Ты не лучше всех, ты не хуже всех, ты мой любимый. Иди в школу, и пусть она тебе будет в радость, а я буду ждать и думать о тебе. Дорогу переходи внимательно, не торопись!

...Я отложил ручку, потому что из коридора раздался отчаянный Матвеев крик – что такое? Упал? Разбился? Кровь хлещет?

Ах, вон в чем дело! Вечная история с ним.

В старых книгах писали, что дети, вырастая, проходят такие же стадии, какие прошло человечество: стадия собирательства, стадия охоты, стадия орды. Теорию эту в свое время раскритиковали и забыли, но вот наш мальчик подрос, ему три года, и он явно вступил в стадию собирательства. Дай ему конфетку – побежит и спрячет ее в какое-то свое укромное место, где уже хранятся обломки игрушек, бумажки, палочки, камушки, стеклышки. Оставь часы на столе, и через минуту придется грозным голосом спрашивать:

– Матвей, где мои часы?

Бежит к полке, маленький, достает из-за книг и честно протягивает: на, мол, пожалуйста, если они тебе нужны, – я думал, они просто так лежат...

Я не ругаю его, я радуюсь, что часы нашлись, что он помнит, куда спрятал. Раньше он забывал, и пропавшие вещи исчезали навсегда или по крайней мере до перестановки мебели. Нет, он не вырастет ни воришкой, ни скопидомом, с ним все будет в порядке, с этим мальчиком, просто сейчас у него такая стадия. Любимые игрушки – пустой чемодан и сумки. В чемодан можно собрать и спрятать полдома, а с сумками на кухне такая игра: складывать маленькие сумки в большую, клетчатую, с двумя кожаными ручками. Ничего, пусть играет, и спасибо, что сумками, а не чашками и не блюдами. Но несчастье в доме, когда ему, как это только что случилось, приходит в голову засунуть большую клетчатую сумку в маленькую, а это, естественно, не получается.

Орет на весь дом! Плачет! Крупные слезы по щекам текут, утирается, оскорблен, не может вынести такой несправедливости, кричит в голос!

Все сбегается, все пытаются объяснить, что он хочет невозможного, пытаются показать мальчику, что большая сумка никогда не поместится в маленькой, и даже сердятся на него – ну что за мальчик такой упрямый!

Мрачно слушает, замолкает, мрачно отталкивает всех и... снова хватается большую сумку, засовывает ее в маленькую, и вот-вот, кажется ему, получится, ну еще усилие... Но нет! И опять раздается отчаянный рев, опять он громко рыдает, несчастный! И нет средств успокоить его, пока не придет ему в голову какая-нибудь другая мысль, более удачная.

Маленькие дети потому с трудом понимают слово «нельзя», что оно бессодержательно. Мама танцует со щеткой в руках – подметает, и мальчик повторяет ее движения. Вот действие – вот оно повторено. Но что значит «нельзя»? Нельзя – это щетка? Нельзя – это что-то острое? Некоторые дети так и думают, и маленький тащит гвоздь: «Мама, я нашел „нельзя“». Но почему, когда берешь эту газету – все молчат, хоть в клочки ее разорви, а до этой чуть дотронешься, кричат «нельзя»? Пойди догадайся, что та газета – вчерашняя, а эта – сегодняшняя.

И уж совершенно недоступно маленькому понятие «невозможно». Это все равно что сказать ему «перпендикулярно» или «конгруэнтно». Что это значит?

Степень развития хорошо видна по отношениям человека со словом «невозможно». «Нельзя» – запрет людей, он понятен. «Невозможно» – запрет природы, с ним разум соглашается неохотно. Уже и запрещали изобретать вечный двигатель, а все же люди пытаются. Но в большинстве своем взрослые понимают слово «невозможно». Однако благоразумнейшие люди буквально теряют разум, когда дело касается воспитания детей. Они, как маленькие, перестают понимать значение слова «невозможно», не принимают его смысла, чуть не плачут – как так? Запреты природы им понятны, запреты педагогики оскорбляют их. Как так? Я директор, я все

могу, мне подчиняются тысячи людей, а с этим семилетним мальчишкой я не могу справиться? Не может этого быть!

Но во всякой науке, во всяком искусстве, как и в природе, есть свои принципиальные запреты. Невозможно построить вечный двигатель, невозможно соорудить плотину из песка на бурной реке, невозможно засунуть большую сумку в маленькую, невозможно влиять на ребенка, не имея влияния на него, невозможно вырастить идеально доброго ребенка в мире, где столько зла, невозможно вырастить ребенка с абсолютно чистой совестью в мире, где столько несправедливости, и невозможно воспитать добрых, честных, отзывчивых и чутких детей, не веря в силу любви и правды.

Поймем возможности воспитания, постараемся более трезво оценить свои собственные силы, и наши дети станут если и не совершенными людьми, то, по крайней мере, людьми, стремящимися к совершенству.

18

Теперь о счастье.

...В родительский день в летний лагерь шел «Икарус», мамы и папы ехали к своим детям. Я же направлялся в лагерь по делу. Сидевшая рядом со мной у окна скромно одетая сдержанная женщина открыла томик Чехова. Дорога предстояла длинная, книжки я не захватил, люди вокруг были чужие, я стал думать о работе. И тем же тоном, каким спрашивают, например: «Вы не знаете, скоро ли мы приедем?» – я неожиданно для себя и тем более для соседки спросил ее:

– Простите, вы не знаете, что такое счастье?

Женщина с томиком Чехова в руках оказалась замечательной собеседницей. Она не стала спрашивать меня, отчего я задал такой странный вопрос, не стала с ходу отвечать: «Счастье – это...», она не сказала мне, что счастье – когда тебя понимают, или «что такое счастье – это каждый понимает по-своему», – не стала говорить цитатами: нет, она прикрыла книгу и долго молчала, посматривая в окно, – думала. Наконец, когда я совсем уже решил, что она забыла о вопросе, она повернулась ко мне и сказала...

Вернемся к ее ответу позже. Спросим себя: что такое счастье? Ведь, говоря о детях, мы все повторяем:

– Были бы они счастливы!

Что кроется за словом? Какого счастья мы желаем детям? Конечно, интересно, что думает женщина в автобусе, и что говорят философы, и что пишут в книгах. Но нельзя ли узнать, а что на самом деле счастье? Не кто что думает о нем, а в действительности?

Оказывается, это возможно.

19

В каждой стране есть свой Главный педагог – народ, и есть Главный учебник педагогики – язык, «практическое сознание», как давно писали классики. За поступками мы обращаемся к народу, за понятиями – к языку народа. Я не должен объяснять, что такое счастье, я должен смиренно спросить об этом наш язык – в нем все есть, из него все поймешь, прислушиваясь к слову в сегодняшней нашей речи. Обычно идут от происхождения слова, от его этимологии. Происхождение важно, но еще важнее жизнь слова. Народная мысль содержится не только в пословицах и поговорках, в народной мудрости (пословицы как раз и противоречивы), но в распространенных, обычных фразах и оборотах речи. Поищем: с какими другими словами сочетается интересующее нас понятие, почему так можно сказать, а так нельзя. Так говорят, а так – не говорят. Это никогда не бывает случайным.

И еще один верный источник важных сведений есть в нашем распоряжении: Пушкин. Поэт, никогда не поставивший рядом два случайных слова. В вопросах этики и психологии Пушкин настолько точен, что, я думаю, и вы, читатель, согласитесь с утверждением: как у Пушкина – так правильно. Почти все ссылки здесь (и все ссылки без указания автора) – на Пушкина.

Все важнейшие этические и педагогические понятия, необходимые для воспитания детей, будем извлекать не из толковых словарей, не из учебников и монографий и даже не из сборников мудрых мыслей, как принято сейчас делать, а из живой речи, из пушкинского языка, то есть из глубин нашего общего сознания. Детей можно воспитывать лишь собственными убеждениями: их и разберем.

20

Мы говорим: «счастливая доля», «счастливый случай», «счастливая судьба», «счастье привалило», «вытянул счастливый билет».

Счастье – часть, у-часть, лучшая доля из всего, что может дать жизнь.

Она может быть счастливой, а может – и худшей, плохой, злой: «Плохая им досталась доля» (у Лермонтова), «злосчастный человек», «горе-злосчастье», «злая судьба моя».

Самые деятельные, всего достигшие своим трудом люди все-таки говорят: «Мне выпало счастье... Мне дано счастье...»

Счастье – фортуна, судьба, о которой мы ничего не знаем, и если его нет, то говорят: «Такая уж у меня судьба», «Видно, мне так на роду написано».

И когда мы говорим: «Пусть будут дети счастливы», мы словно желаем им счастливого пути по жизни – пусть судьба будет милостива к ним, пусть ничего дурного с ними не случится, пусть им везет во всем, пусть они будут удачливы. Одно только это горячее желание счастья детям соединяет нас с ними, и нет воспитания, где мать не желает счастья своему ребенку, не мечтает о нем. Когда мы сердимся на детей, мы забываем, что желаем им счастья, разъединяемся с ними, оставляем их беззащитными перед судьбой. Ведь если поссоришься с ребенком, а с ним что-то случится, то не можешь себе простить.

Как воспитывать детей? Каждую минуту и всей душой желайте им счастья сейчас и в будущем – этого достаточно!

21

Желайте счастья? Да разве оно от нашего желания зависит?

Но мы не раз еще столкнемся с законом духовной жизни: все, что есть в человеке, возникает из двух встречных движений, из двух сил: из движения, направленного от мира к человеку, и движения от человека – к миру. Противоположные эти силы, встречаясь в одной точке, не уничтожаются, а складываются. Но если встреча не происходит, то обеих сил словно и не было. Предположим, человеку нет удачи ни в чем, несчастья преследуют его, и выпала ему, быть может, от рождения тяжелая доля. Не всякий сумеет победить судьбу. Но сильный человек умеет использовать самый незаметный шанс, который, конечно, есть в жизни каждого.

Так человек побеждает судьбу. Вернее, не судьбу, а трудности, которые посланы ему судьбой.

Говорят: нашел свое счастье, добыл счастье, достиг счастья и даже – украл чужое счастье. Язык требует действия: нашел, поймал, добыл, достиг, вырвал у судьбы свое счастье, всякий человек – кузнец своего счастья.

Чтобы наши дети нашли свое счастье, они должны стремиться к нему. Неукротимое, неудержимое, жгучее желание счастья... Если бы удалось пробудить его, оно стало бы главным

воспитателем в нашем доме, оно само сделало бы все остальное. Когда родители желают счастья ребенку, верят в него – желают не сиюминутного успеха, а именно счастья, и притом большого и долгого, то они заражают ребенка этим стремлением. Бывает сомнительным стремление к славе, к первенству, к превосходству, к богатству, к успеху – все требует оговорок и пояснений. Но язык поднимает слово «счастье» так высоко, что желание счастья другому безоговорочно. Счастье – такое благословенное состояние, такая благодать, что оно всегда прекрасно.

Мы говорим: я почувствовал себя счастливым, я испытал счастье, безудержное счастье охватило меня. Счастье нахлынуло, накатило, волна счастья захлестнула, я почувствовал себя счастливейшим человеком, самым счастливым на земле.

Откуда уверенность, что счастливейшим? Может, кто и посчастливее есть на земле? Нет, такого нет: «счастливее меня быть невозможно», «я самая счастливая».

Счастье – состояние абсолютной полноты, когда счастливее быть нельзя. Говорят даже: он переполнен счастьем.

В этом-то и счастье от счастья: переполнен, ничего больше не нужно, нет других желаний, нет желаний вообще – кроме одного, чтобы счастье продлилось, чтобы время остановилось: счастливые часов не наблюдают. Человек в состоянии счастья чувствует себя совершившимся и совершенным, у него нет желаний.

Вот искусство воспитания: вырастить человека, стремящегося к большой жизни. Желание счастья не грызет, не мучит такого человека, а переполняет его. Он чувствует себя живым, бодрым.

Как это достигается? Не отказом детям в их желаниях и не потачками, а воспитанием духа.

22

Бывает, что родители очень заботятся о детях, стараются сыграть в их жизни роль счастливой судьбы. Устраивают их и в школу получше, и в институт, и всюду. У детей вроде бы все есть – кроме счастья. Счастливики, но не счастливые. В чем же дело? Обычно сходятся на том, что не надо было помогать, пусть бы дети сами – нам-то никто не помогал в молодости.

Но как же так? Как не помочь детям, если есть возможность? Что же мы за люди были бы, если бы отказывали детям в помощи, исходя из каких-то абстрактных педагогических построений или мстя им, как муравей стрекозе: я потрудился – и ты поди-ка потрудись. Мы не нравоучительные муравьи и дети не стрекозы, у нас другие отношения, мы любим детей и готовы помогать им, конечно, не поступаясь совестью.

И не в том беда, что родители помогают детям, а в том, что они считают, будто этого достаточно. Нам все время кажется, будто мы слишком много даем детям, а на самом деле мы им постоянно недодаем чего-то очень важного. Обладая связями, родители обычно не обладают той внутренней тягой к счастью, которая увлекла бы и детей. Человек со связями сам-то скорей всего добивался успеха, а не счастья, и потому он не может научить счастьем детей.

Счастье – не вещь, и не склад вещей, и не положение, и не денежное состояние, а состояние души, возникающее при достижении сильно желаемого.

Ничего не желающий человек никогда не узнает счастья. О женщине говорят: «Какая счастливая! У нее есть все!» – у нее есть все, что для другой, для других, а может быть, для всех других лишь предмет желания. Но сама-то счастливая и возбуждающая зависть не чувствует особого счастья: ее счастье, как и у всех, в том, к чему она стремится. Если же ей не к чему стремиться или нет возможности достичь желаемого, то она вовсе не счастлива, как ожидается другими, а несчастна – и, может быть, сильнее других. «Ну чего ей еще не хватает?» – говорят о ней (и мы иногда так о детях своих говорим!), а ей – и детям нашим – не хватает того же, что и всем: желаний и их исполнения. Нелепо даже и спрашивать, в чем же состоит счастье. Оно

состоит в том, что нас понимают, и в том, что гвоздь в сапоге наконец-то удалось выдернуть, и в неожиданной встрече любимой, и в покупке пачки вкусных макарон, если очень хотелось их купить, и в победе над опасным противником или над самим собой, и в тысяче, тысяче других пустяковых или крайне важных для нас вещей.

При этом человек обычно чувствует себя счастливым не тогда, когда достигает предела мечтаний, а когда достается что-то сверх ожидаемого, сверх необходимого. Когда он может сказать: «Я об этом даже и не мечтал». Счастье не от того, о чем мечтают, а от того, о чем и не мечтают. Счастье – награда и подарок, ожидающие нас на перекрестке стремлений и судьбы. Поэтому личное счастье и нераздельно. Можно сказать: «Я разделяю ваше горе», но «разделяю ваше счастье»? Можно сочувствовать, но даже и слова нет для обозначения со-счастия, хотя, конечно, люди радуются счастьем другого: «Я рад за вас», «Я счастлив за вас», «Я счастлив видеть вас здоровым». Научить ребенка радоваться чужому счастью и не завидовать ему – половина всего воспитательного дела. Но главное – не завидовать! Строго говоря, незаслуженного счастья не бывает. Когда говорят: «За что ему такое счастье?» – то, скорее всего, есть в человеке что-то, за что ему такое счастье и чего мы пока еще увидеть в нем не можем.

Время от времени мы встречаем действительно счастливых людей. Счастливые – как гонцы судьбы, свидетели ее существования и благосклонности. Счастливые помогают нам надеяться, поддерживают наши силы, потому-то дети так любят счастливые концы в книгах и в кино, хеппи-энд. Счастливые – украшение жизни, от них идут волны счастья, им обычно даже и не завидуют – им радуются. Счастливому бывает и самому неловко: кругом беды, а у него счастье, и он говорит: «Мне стыдно, но я так счастлив». Говорят: «Ее глаза сияют счастьем» – и никто не спрашивает почему. А как любят счастливых влюбленных!

Для того чтобы воспитать счастливых детей, возбудить у них стремление к счастью, наш дом может быть и бедным, и богатым, и каким угодно, но необходимо, чтобы хоть кто-нибудь в окружении ребенка был счастлив, заражал его желанием счастья и поддерживал веру в его возможность.

Приходит мама, жалуется на десятилетнего сына, спрашивает, что ей делать. Но чем ей поможешь? Смотрю на нее и вижу, что она глубоко несчастна – скорее всего оттого, что всю жизнь посвятила воспитанию сына, от всего отказалась ради мальчика и теперь глубоко уязвлена его неблагодарностью. Пройдет еще три-четыре года, и в ответ на ее упрек: «Я все ради тебя отдала!» – он поразит ее сердце небрежно-холодным: «А кто тебя просил об этом?»

Маме кажется, что если она все отдает – то, значит, она все дает. В действительности же мальчик обделен, ему недодано главное: у него нет счастливой матери, в его окружении нет счастливого человека. В таких случаях мы обвиняем детей в нечуткости и жестокосердии, но мы не совсем правы. Дети бегут от несчастных, как от заразных больных. Вид несчастного человека подрывает их еще слабую веру в возможность счастья, а им ведь жить, детям, им бороться, им надо верить в лучшее. Что они будут делать без этой веры? И, не понимая, отчего мать раздражает его, мальчик отходит от нее душой – от нее, любящей, все ему отдавшей! Вот трагедия...

И чем больше мама взывает к чуткости и просит пожалеть ее, тем труднее складываются их отношения, потому что просьбами о чуткости в детском сердце чуткости не вызовешь. Материнское несчастье убивает его. Иногда ребенок просто не может вынести тяжесть несчастья, и душа его замирает, он становится бесчувственным. Только очень правильно воспитанные, очень самостоятельные дети могут почувствовать себя рядом с несчастной матерью (хоть в пять, хоть в семь лет) защитниками – и проникнуться к ней жалостью: у них иммунитет против болезни несчастья, они его не боятся. Но мама, воспитавшая таких детей, как правило, и не бывает несчастной.

Отчего одни люди всегда счастливые, сияют, а другие всегда несчастны, и никак их не уговоришь, что нечего им горевать? Оптимисты и пессимисты? Счастливый характер и несчастный?

Я думаю, это целиком зависит от воспитания. Хронической, неизлечимой болезнью несчастья ребенок заболевает не от несчастных обстоятельств, а от людей, его окружающих. Несчастливые люди не могут воспитывать счастливых, это невозможно. Не получается.

Свободе учат свободой, ответственности – ответственностью, добру и совести – добром и совестью, а счастью – счастьем.

23

Звоню домой.

– Ты когда придешь? – спрашивает Матвей.

– Часов в пять-шесть.

– Если в пять не придешь, то в шесть придешь? А если в шесть придешь, то в пять не придешь?

Этот проблеск юмора в шесть лет воодушевляет меня, я старательно смеюсь, поощряя его охоту острить.

Прихожу, звоню в дверь, слышу замирающее, с надеждой: «Кто там?» – и счастье, счастье, прыганье, как будто он собачонка. Мальчики в шесть-семь лет, утверждают психологи, ищут мужской образ, и потому они, как правило, больше любят отцов – а вовсе не потому, что отцы лучше мам, как думают с гордостью некоторые папы.

Матвей всегда бурно выражает свои чувства. Когда его впервые отвели в ясли, ему было два года и он еще не знал слова «мое» – дома-то никто не говорит «мое». А в яслях воспитание идет быстро, там дети на каждом шагу: «Мое!», «Мое!». Я пришел за мальчиком, а он бросился ко мне, обхватил колени и кричит, победно оглядываясь:

– Мое папа!

Чье сердце не дрогнет? Один из великих перебирал минуты счастья в своей жизни и насчитал их всего четыре. Четыре минуты из восьмидесяти лет!

Не знаю, сколько их будет, когда и я решусь пересчитать минуты-крохи; но мгновения в дверях – «Папа пришел!» – они мои, я их не забуду.

24

Чем больше одинаковых по смыслу выражений в языке, тем, следовательно, значительнее в жизни явление, описываемое в этих выражениях. Прислушайтесь: забылся от счастья, потерялся от счастья, поглупел от счастья, совсем голову потерял от счастья, голова закружилась от счастья, с ума сошел от счастья, сумасшедшее счастье, и даже – умрешь от счастья, умру от счастья, чуть не умер от счастья. Но ощущение счастья кратковременно.

Если бы счастье было достижимо раз и навсегда, человечество давно бы вымерло. При малейшей удаче люди выпадали бы из строя действующих. Счастье косило бы людей, как пулемет наступающие цепи. Нет, природа манит нас, она дает нам почувствовать счастье, чтобы мы насладились им, испытали его и стремились к нему вновь и вновь.

Слово «счастье» почти всегда связано в языке с указанием на время: «счастливый миг», «минуты счастья», «мы провели счастливый месяц», «это было такое счастливое лето».

«Счастливое время прошло», «счастье промелькнуло», «короткое счастье», «недолгое счастье», «куда ушло мое счастье?», «счастье улетело, как золотой сон...».

А может ли оно быть долгим? Можно ли быть счастливым всегда?

Чаще всего отвечают не задумываясь – нет!

Но русский язык, как и другие языки, допускает такую возможность. А что есть в языке, то есть и в духовной жизни.

Мы говорим: «годы счастья», «счастливейшие годы моей жизни», и даже можно сказать: «Он прожил счастливую жизнь», «Мы прожили с ней долгую счастливую жизнь». Больше того, говорят – «счастливый человек», и о себе можно вполне серьезно сказать: «Я счастливый человек».

А сказать: «Я красивый», «Я умный» – без насмешки нельзя, язык не позволяет.

Счастливая жизнь? Вся?

Вот оно, вот это и нужно нам для детей: не только счастье-мгновение, но и счастье-жизнь.

Именно этот смысл мы вкладываем в слова «был бы сын счастливый». Что же сделать, чтобы дети были счастливы?

Вопрос вопросов!

Ничто так не объединяет людей и не разделяет их, как представление о счастье жизни. Когда люди расходятся, они обычно говорят, что у них разные интересы. На самом деле у них разные представления о счастье, и именно поэтому им невозможно жить вместе.

25

Так соблазнительно найти хоть в чем-нибудь замену счастью! Мы постоянно занимаемся поисками подобного рода:

Привычка свыше нам дана –
Замена счастию она.

Евгений Онегин с жаром восклицает:

Я думал: вольность и покой
Замена счастию. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан...

Замены нет. Счастье неподменно.

Однако позже Пушкин вновь размышляет о том же: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Слово «замена» исчезло; замены нет, но нет и счастья.

Так или иначе, но представление о счастливой жизни находится где-то возле слов «покой и воля», «вольность и покой».

Замечательно, что и в языке содержится точно тот же образ счастья, что и у Пушкина, и притом художественный.

Мы говорим: безоблачное счастье. Ничто не угрожает, не тревожит. Мир, покой – ни облачка на небе.

Мы говорим: безмятежное счастье. Ничто не смущает душу, чистая совесть, нет внутренних раздоров, мятеха.

Мир вокруг человека, мир в душе человека... Безоблачность и безмятежность. Напомню, что это не автор книги так думает, это вы так говорите, читатель, мы все так думаем, это в языке закреплено, тут спорить нечего. И в знаменитой строчке Блока «Покой нам только снится» снится все же покой, а не что-нибудь другое. Нравится нам это или не нравится, совпадает ли это с принятым мнением или нет, но общее представление о счастье – покой вокруг человека и покой в душе человека.

Но мир тревожен и беспокоен – как застраховаться от забот и тревог, «от злых забот и лени вялой»?

И еще вопрос: безоблачность и безмятежность – необходимые условия счастья, но, как мы видели, не само счастье. В чем же оно? Где?

Вот пушкинские строчки в более полном виде:

Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастьем. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан...

Очевидно, счастье в чем-то противоположном тому, что думал Онегин, ошибаясь. Счастье – среди людей. В любимом человеке. Другого нет, в других местах оно не водится. «Чужой для всех, ничем не связан» не может быть счастливым. Но есть лишь один способ прожить среди людей без страха, без мятежа в душе, о нем говорится в «Борисе Годунове»:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить:
Ничто, ничто... едина разве совесть.

Жизнь по совести – приближение к правде, а у правды есть свойство волновать, возвышать, доставлять счастье. Вспомните, ведь и любовь доставляет нам счастье лишь тогда, когда она совершенно искренняя. Малейшее сомнение – и мы чувствуем себя скорее несчастными, чем счастливыми.

Счастье – ощущение высшего, но и у правды то же свойство. Мы говорим: неподдельная радость, неподдельное счастье, неподдельная правда. Обман мучит нас, чужой или свой; правда дает покой душе.

Когда человек исполняет свой долг перед правдой, он и чувствует себя счастливым. Оттого природа и награждает нас счастьем за исполнение долга – она премирует за старание, за то, что не жалели себя, действовали на пределе возможного.

Счастье на перекрестке стремлений и судьбы; но где эта точка, если говорить о целой жизни? Там, где встречаются правда и долг.

Когда человек исполняет свой долг перед правдой, он чувствует себя свободным, его ничего не страшит. Он следует старому девизу честных людей: «Делай что должно, и пусть будет, что будет». Не жди награды, приготовься к наказанию, но делай что должно. Не хитри с жизнью! И в языке есть: «Я счастлив, что исполнил свой долг». Достоевский внес в записную книжку, что там, где нет сознания правды и долга, там нет и представления о счастье.

Так неожиданно соединяются эти слова: долг, правда, счастье. Суровый поворот дела! Нет счастья в исполнении долга перед неправдой, нет счастья в сознании правды, но без исполнения долга перед нею.

Исполнение долга перед правдой жизни – в этом и есть смысл жизни. Для этого мы призваны в жизнь:

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь.

Человек – для человека, жизнь – для жизни. В конечном счете все сводится к тому, чтобы найти свою цель жизни и честно служить ей, исполняя свой долг.

Молодая учительница сказала мне:

– Я счастливый человек: я делаю свое дело.

Почти все проблемы снимаются у человека, нашедшего дело своей жизни – свое дело.

К беде нашей, долг и правда могут расходиться. Тогда человек не чувствует себя хозяином своего дела: или оно пустое, ненужное, или делается не лучшим образом. Когда кругом царит распущенность, неразбериха, обман – в деле нет правды. Человек не может быть счастливым.

Делай что должно, и пусть будет, что будет.

26

Но будем поосторожнее с этим словом – «долг». Как бы нам не спугнуть синюю птицу счастья!

Мы хотим вырастить человека долга? Значит, нам нельзя пользоваться словами «долг», «должен» для попрека и принуждения. Нельзя говорить ребенку: «Ты должен, ты обязан, это твой долг, мало ли, что тебе не хочется, в жизни многое не хочется, а надо делать, мне, может быть, тоже не хочется на работу ходить». Многие люди думают, что долг – это то, чего не хочется делать.

Да нет же, нет! Как огня следует бояться такого взгляда. Это самое страшное, что только может произойти с нашими детьми – если в их сознании долг разойдется с радостью, если им будет казаться, что работа, долг – это одно, а радость жизни – это другое. Вырастут люди раздвоенные, несчастные и, главное, неспособные понять, отчего же они несчастны. Многие несчастья в жизни оттого, что человек дурно воспитан и считает долг обузой. Он обычно оправдывается тем, что не нашел свое место – вот нашел бы, и был бы счастлив; а делать с удовольствием всякую работу он не научен.

Но если мы не станем применять слово «долг» по пустякам («Убери постель! Это твой долг!»), если мы будем помогать детям выполнить свой долг так, чтобы он никогда не был им обузой, то постепенно чувство долга само вызреет в душах детей. В хорошей семье каждый радостно несет свои обязанности, постепенно завлекая детей радостью всякой работы.

Соединим в сознании ребенка долг и радость – и больше ничего для воспитания не нужно.

«Как же так, – спросят, – вы же говорили, что надо желать счастья ребенку, а больше ничего не нужно!»

Да ведь это все одно и то же. Тысячи слов в книжке, но все они про одно и то же, таинственное и невыразимое – его нельзя объяснить и передать иначе как растратив великое множество обыкновенных и высоких слов.

27

Что же, однако, сказала о счастье женщина в автобусе? Позже выяснилось, что она научный сотрудник, специалист в области химии белков. После долгого обдумывания предложенного ей вопроса она сказала:

– Я не могу дать определения счастья. Вот ученый! Ученый не тот, кто все знает, а тот, кто точно знает, чего он не знает. Но, – добавила моя спутница, – может быть, так? У человека есть духовные стремления: когда они удовлетворяются, он чувствует себя счастливым. Похоже на правду?

Вот ученый...

А еще важнее, что моя соседка наверняка знала счастье – я потом видел ее сына, он поджидал маму. Это счастливый мальчик.

Вглядываясь в незнакомых детей, я не думаю о них «хороший», «плохой», а прежде всего стараюсь понять: счастливый? несчастный? несчастненький? Как бы там ни было, пусть выпа-

дет нашим детям лучшая доля, пусть никогда не угаснет в них стремление к счастью, пусть они чувствуют себя счастливыми, живя в сознании правды и долга перед нею.

По известным словам Толстого, все счастливые семьи счастливы одинаково. Почему? Да потому, что люди до ужаса изобретательны на неправду. А правда – одна, а долг у людей один: любовью своей и совестью поддерживать правду на земле.

28

Детство: тайные домики-секретики под стеклышками у девочек, склады нужных вещей в кармане у мальчиков, все эти прятки, жмурки, беспричинные радости, беганье, все эти невероятные события, о которых рассказывают, захлебываясь и широко открыв глаза, все эти небрежности и бестактности – схватил кусок хлеба и убежал, все эти ушибы, порезы, синяки, не износившиеся, а буквально сторевающие ботинки, все это хвастовство, залихватство – а рядом пугливость, страхи, преувеличения, пренебрежение домом и уроками, все эти школьные неприятности, из которых пытаются выйти такими фантастическими способами, что неприятности разрастаются до чудовищных размеров, все эти обиды по пустякам, эти почти ежедневные «все, я пропал, я погиб», и эта любовь к отцу и матери, так не похожая на любовь...

Детство: дни рождения, Новый год, подарки, неожиданные радости... Такая красивая мама; такой добрый, сильный и умный папа...

И это детство: враги в соседнем классе, ненавистные люди во дворе. Договорились драться, ты приходишь один, а мальчишки насакакивают вчетвером.

А еще и такое в детстве есть: маленькие дети собрались у двери в подвал, а двое, мальчик и девочка, отправились за эту дверь на глазах у всех, и дети стоят хихикают, переглядываются, и каждый что-то знает, но что?

Некоторые мамы говорят: «Я все про своего знаю, он мне обо всем рассказывает...» Хорошо, конечно, но всего не рассказывают даже маме. Детство в чистой рубашечке не проведешь. Сор, мусор, грязь, стыдное-постыдное – через все проходят дети...

Третьеклассник пришел из школы, лег на диван, вытянулся и лежит не шелохнувшись. Прохожу мимо, слегка обеспокоенный. Скопил глаза на него – лежит! Полчаса проходит, опять мимо прохожу – все ли в порядке? Лежит молчит... Лишь через несколько дней осторожными расспросами узнал, что, оказывается, вот что с ним было: он в плен попал, его связали, и он лежал, в подвале, связанный по рукам и ногам... Детство!

Стараясь не помешать, не сказать лишнего слова и даже не встретиться глазами, на цыпочках прохожу мимо играющего мальчика, чтобы не спугнуть игру, не спугнуть птицу детства. Никогда не говорю: «Хватит тебе играть, ты уже не маленький!» Конечно, он не маленький, дети для себя никогда не бывают маленькими, дети всегда, со второго дня жизни, «уже большие», но коль скоро играет – то и хорошо, значит, это ему нужно, значит, детство еще не ушло из него, и великая глупость изгонять детство из ребенка и ребенка из детства.

Давным-давно было открыто, что детство – не подготовка к будущей жизни, оно и есть сама жизнь человека. Жан-Жак Руссо, впервые понявший это, высказал свою мысль в довольно страшной форме. Он писал, что нельзя знать, сколько проживет его воспитанник Эмиль. Может быть, и всей его жизни будет лишь лет восемнадцать? И что же, говорил педагог, я лишу его счастья детства ради той жизни, которой у него не будет?

Наш долг перед детьми – дать им детство, сохранить его.

Счастьем учатся в детстве. Стремлением к счастью на всю жизнь заражаются и заряжаются в детстве.

29

Были бы они счастливы, наши дети, и были бы они здоровы. Ничего не надо, были бы они здоровы сегодня и всегда!

Но многие из нас даже и не представляют себе, насколько физическое здоровье ребенка связано с его духовным состоянием, с его счастьем.

...Утром собирались в школу. Мама подала шерстяной шарф, а сын-пятиклассник не захотел надевать его: никто с шарфами не ходит, что же он, будет один? Мама подняла крик, она вспомнила все болезни мальчика, сказала, что не пустит в школу, что он неблагодарный, что он хочет уморить ее, – ну, словом, сказала все, что говорят в таких случаях мамы. Мальчик выбежал из дому, хлопнув дверью. Так они воюют по каждому поводу. Каждый день начинается стрессом и им заканчивается.

Мама права. У мальчика слабое горло. Мама боится простуды. Мы все боимся детских простуд и заразных детских болезней и думаем, что важнее всего для здоровья ребенка – чистота и закаливание, и кажется, будто этого достаточно. Наверно, три четверти всей педагогически-медицинской литературы – о простудах и о том, что не надо кутать детей.

Между тем новая, куда более страшная беда, чем простуда, на пороге нашего дома. Болезни сердца и сосудов приобрели характер эпидемии – врачи не могут справиться с нею.

Истоки сердечных болезней еще недавно обнаруживали у пятнадцати-шестнадцатилетних подростков, а теперь уже говорят, что их надо искать у пяти-шестилетних детей.

«Стрессовые недуги» – этим общим названием определяют сейчас специалисты целый круг различных заболеваний, в основе которых лежит одна и та же причина: отрицательные эмоции. По мнению ученых, риск возникновения таких недугов, как инфаркт, гипертония, диабет, язвенная болезнь, даже рак и кариес зубов, в значительной мере определяется реакцией человеческого организма на стрессовые ситуации.

– Ты меня до инфаркта доведешь! – кричит мама сыну, не подозревая, что своим криком и она может довести сына до инфаркта или хотя бы до зубной боли.

«Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Я прежде так понимал это: чем угодно занять ребенка, лишь бы он не плакал, не мешал, детский плач сильно досаждал. Но старая женщина объяснила, что у пословицы совсем другой смысл: дети вообще не должны плакать!

Что угодно, лишь бы дитя не плакало; ребенку вредно плакать, и этот вред для здоровья опаснее того педагогического вреда, которого мы обычно боимся, говоря: пусть поплачет, ничего с ним не случится, не умрет.

Лучше, конечно, закалять ребенка; но можно и не закалять. Лучше не кутать; но можно и кутать. Но плакать детям нельзя.

Были бы наши дети здоровы! И телом, и нервами, и духом. В здоровом теле здоровый дух? Но ведь у крепкого духом человека и здоровье крепче, он легче справляется с болезнями. Конечно, когда пятилетний капризничает, канючит, добивается своего слезами – то стоит потерпеть, к тому же мама всегда знает, плачет ли мальчик от обиды или ревет, подсматривая одним глазом, какой эффект он производит и скоро ли мама сдастся. Но будем и уступчивы, придем на помощь, вытрем слезы – пусть лучше дети не плачут. Куда проще совет: не обижайте маленьких. Это опасно для их здоровья.

30

Сегодня в доме невероятное событие: бабушка получила наследство! Не кто-нибудь, а именно старенькая наша бабушка, и на это наследство она купила и подарила нам... телевизор.

Со старым телевизором Матвей управился в неделю: аппарат навеки умолк. Тогда купили совсем маленький, автомобильный переносной телевизор – считалось, что его можно будет прятать от Матвея. Но как спрячешь? И вскоре мальчик отвернул все его ручки. Что делать? Такая душа у мальчика – он всем помогает. Помогая маме мыть посуду, он разбил десятка четыре чашек и блюдец... А как-то мне подарили авторучку с золотым пером, настоящий «Паркер», я так радовался! Но недолго. На одну минуту потерял я бдительность, вышел из комнаты, оставив ручку на бумагах, вхожу – Матвей опрометью бросается от стола, а мой «Паркер» звенит, воткнувшись золотым своим пером в пол, как стрела, выпущенная из лука индейца.

А что делать с мальчиком? Ничего не сделаешь. Он не виноват. Ему интересно. Примись наказывать его, он будет плакать с утра до вечера. Конечно, суровыми мерами можно отучить его трогать вещи, но не погасим ли мы его любознательность, которую потом никак не разовьешь? Не превратится ли для него дом в музей с табличками «Руками не трогать!»? И что узнаешь о вещах, не потрогав их? Однако и мы люди, и нам жить надо.

Однажды я шел с ним в гости в чужой дом, и сердце мое ныло. В чужом доме и телевизор чужой... Всю дорогу я вел подготовительную беседу. Объяснять ему, что чужое нельзя трогать, – бесполезно. Он уверен, что если повернет ручку, то ничего не случится – взрослые-то вертят, и ничего. Ну и он немножечко повернет! Чуть-чуть! Отложив на время педагогические принципы, я решил припугнуть его. Милиционером пугать бесполезно – не потому, что это нехорошо и подрывает любовь к милиции, а потому, что у него есть знакомый милиционер Валера, и чуть что, он и сам может припугнуть милицией: «Я Валере скажу, он застрелит тебя! У него пистолет есть!» Но нечаянно было открыто, что почему-то Матвей побаивается слов «директор» и «дежурный». Наверно, в детском саду это опасные люди. И я плету несуровую историю: дескать, в доме, куда мы идем, на верхнем этаже работает директор, и время от времени его дежурные ходят и проверяют телевизоры, и особенно смотрят, не прикасаются ли к ним маленькие мальчики...

– А если прикасаются, тогда что? – с интересом спросил Матвей.

– Тогда их ведут к директору.

Матвей задумался. На лице его появилось сомнение: стоит ли идти в гости и подвергаться такому риску? Но все-таки мы пошли. Перед дверью озабоченный предстоящим испытанием Матвей совершенно серьезно спросил:

– А смотреть на этот телевизор можно?

Честный мальчик!

Что, впрочем, не помешало ему вскоре очутиться у опасной задней стенки телевизора.

Общий крик:

– Матвей!

– Ну я только хотел посмотреть, куда идет этот проводок.

...И вот серьезнейшая педагогическая проблема: подаренный бабушкой в счет полученного ею наследства дорогой телевизор – что с ним сделает Матвей? Нельзя, чтобы такая радость превращалась в горе. И для мальчика тоже. Что ж, теперь только и будут что кричать на него: «Не трогай! Кому сказали? Нельзя!»?

А он будет обижаться и плакать. А нельзя, чтобы дети плакали.

И вот мама начала великую операцию. Она нашла фотографию Матвея и наклеила ее в угол заявления-обязательства. Долго, с заинтересованным участием мальчика, изготавливался этот документ – обязательство на имя директора универсама тов. Генералова: все взрослые в семье ручались за Матвея, что он не будет без спроса подходить к телевизору.

Слово «обязательство» очень волновало и тревожило Матвея. Он беспокоился, согласится ли подписаться папа, и несколько раз, словно невзначай, спрашивал меня: «Ты подписался?» Я подписался. И дочка подписалась, и ее муж, и старший сын тоже, и его жена – все ручаются за Матвея! Он ведь большой, ему скоро в школу!

Обязательство отнесут к директору, и он даст разрешение включить телевизор, но время от времени будут приходить дежурные проверять, не трогает ли Матвей телевизор. И если бабушка хоть раз скажет, что да, Матвей трогает телевизор, его, телевизор, тут же и увезут, тут же!

...Неизвестно, насколько хватит этой педагогики. Но делать нечего. Нельзя ломать телевизоры, тем более подаренные старой бабушкой в счет полученного ею наследства, но и нельзя, чтобы дети плакали.

Ничего, старшие дети и не то творили, а выросли люди и настойчивые, и покладистые, пока что одна только радость от них.

Но с ними было проще. Их было двое, они погодки, им можно было весело сказать: «А ну марш отсюда!» – и они дружно убирались без всяких обид и занимались своими играми. Они замыкались друг на дружке и не требовали особого внимания. Растить двух детей в четыре раза легче, чем одного, и если в какой-нибудь семье думают о втором ребенке, то исходить надо не из материальных возможностей, размеров комнаты или квартиры и прочего, а из сил своих и способностей: если есть геркулесовы силы для воспитания одного мальчика – то можно и одного вырастить, но это изнурительный труд. У гайдаровской мамы были баловники Чук и Гек, она с ними замучилась. Но представьте себе, что у нее один Чук или один Гек – она бы с ума сошла.

У старших детей телевизионная проблема была обыкновенной: не оторвешь. Сидят и смотрят все подряд. Старшие не ломали телевизор, и ломать его приходилось мне.

Примерно в феврале каждого года я тайно что-нибудь вывинчивал из аппарата: увы, сломался! И некогда вызвать мастера, и нет денег на починку, и возникали всякие трудности, пока дети не привыкали жить без телевизора и не приходили в себя: они опять начинали читать книжки, гулять во дворе, у них снова появлялись друзья, и отметки становились лучше... Месяца через два-три, после глубокого отдыха семьи, телевизор приводили в порядок (если я помнил, куда спрятал деталь и куда ее надо поставить), и наступало счастье – телевизор работает!

Недавно одна старая писательница пожаловалась мне, что ее внук все время сидит у экрана, – что делать?

– А вы сломайте телевизор, – посоветовал я простодушно.

– Хм! – сказала писательница. – Сломайте! Да внук в десять минут его починит!

Наверно, этому мальчику разрешали смотреть, куда идет проводок. Чем бы дети ни тешились, лишь бы не плакали – противоинфарктное воспитание.

31

Думая о будущем ребенка, собирая в уме идеальный образ Человека, зададим себе и такой вопрос: мы хотели бы, конечно, чтобы наших выросших детей любили; но каких людей любят люди?

Оказывается, есть одно качество, одно-единственное, без вариантов, которое раз в десять важнее всех других, вместе взятых. Если его нет, этого Главного свойства, то все другие качества, даже и прекрасные, превращаются в дурные; а если это Главное свойство есть, то и дурные качества становятся отчасти простительными.

Это поразительное Главное свойство можно обнаружить, вслушиваясь в детские дразнилки – моральный кодекс детей.

Чтобы узнать, за что люди любят людей, выйдем во двор и прислушаемся, за что дети дразнят детей.

Домашняя мораль для маленьких: послушный – непослушный, хорошо кушает – плохо кушает, убрал за собой игрушки – не убрал за собой игрушки.

Дворовая мораль гораздо шире и жестче.

Дома ребенку – лучший кусок, а во дворе – делись со всеми. «Жадина-говядина, кусок колбасы!» или «Жадина-говядина, турецкий барабан, кто на нем играет, тот – таракан».

Первая детская заповедь – не жадничай! Отдай! Поделись! Несправедливо, чтобы у одного был кусок хлеба, а у другого не было. С этим выходит ребенок в мир – с требованием справедливого. У тебя есть игрушка? Дай поиграть. Велосипед? Дай покататься. Красивый ремень? Дай поносить. Не наше домашнее: «Дай маме кусочек, разве ты маму не любишь?» – не выпрашивание любви, а требование всеобщей справедливости – делись, не будь жадиной-говядиной, турецким барабаном.

Но не это главное, оно впереди. Прислушаемся к другим дразнилкам.

Дома радуются, что ребенок хорошо ест и быстро поправляется, а здесь учитывается, что лишний вес опасен. Толстых не любят, толстый – значит, жадный, обжора, ленив, неповоротлив, одним словом: «Толстый, жирный, поезд пассажирный!»

Дома, когда заплакал, утешают – дети не должны плакать, а здесь естественное противонфарктное воспитание работает испокон веку: не плачь по пустякам, будь крепким, умеи вытерпеть боль и обиду, иначе: «Плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин!»

Дома кутают, боятся простуд, а здесь, чуть появишься одетым теплее, чем все, сейчас же и задразнят: «Зима-лето-попугай!» Никогда дети не дразнят тех, кто одет слишком легко, только тех, кто кутается.

Дома всё прощают, а здесь требуют порядочности в делах и, главное, в играх. Выбрали водить – води, а нечестен – неотвожа!

Дома говорят: «Дружи с Наташей, она такая хорошая», а во дворе за эту дружбу еще и «тили-тили тесто» схватишь, потому что мальчик будь до поры с мальчишками, а девочка – с девочками, каждый учись соответствующему поведению. Закладывается в детскую душу, что в отношениях мальчика и девочки есть и что-то стыдное, что это не простые отношения. Лев Николаевич Толстой, составляя заповеди для детей, выразил одну из них в такой замечательно краткой форме: «Не делайте стыдное между мальчиками и девочками». Но должен быть и стыд – для того и дразнят.

Как видим, детские дразнилки не так уж просты, они отвечают всем педагогическим требованиям. Все они нацелены на будущее и так благородны, что, например, за трусость самых маленьких не дразнят – быть трусишкой еще позволено. А злым быть нельзя: «Злючка-колючка». До той поры, когда дети подрастут, выйдут из-под надзора и начнут драться по-настоящему, между ними происходят словесные драки, в ход идут дразнилки, прозвища и ругательства. Если обидишь кого-нибудь, или враг появится у тебя, или слаб, не можешь ответить, то будут дразнить за то, что длинный, лопоухий, белобрысый, рыжий, косой, заика – все человеческие недостатки отражены в детских дразнилках точно так же, как и в брани взрослых. Не за что дразнить, так привяжутся к имени: «Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй!» На каждое имя своя дразнилка, а то и две – помягче и позлее. Нет готовой дразнилки – придумают с ходу.

С возрастом же, когда начальная школа морали пройдена, дворовый кодекс ужесточается, расширяется, и наказанием теперь служат не безобидные веселые кричалки, а клички, презрительные словечки, брань: «маменькин сынок», «ябеда», «бессовестная», «слабак», «тихоня», «трус», «баба», «ворюга». Кодекс приближается к взрослому. Трехлетний взял Вовино ведерко, семилетний – украл Вовин пистолет.

И тут-то и выходит на первый план Главное требование к человеку, маленькому или взрослому.

32

О том, что это требование главное, непереносимое, можно судить по огромному количеству и разнообразию устойчивых языковых сочетаний и оборотов на одну и ту же тему – их во много раз больше, чем всех дразнилок и прозвищ, вместе взятых. Эта тема – абсолютный чемпион среди других, что, конечно, не может быть случайным.

Сперва, при переходе из начальной школы морали в среднюю, это еще дразнилка: «воображала!», а потом идет подряд: «задавака», «выскачка», «заносится», «строит из себя», «корчит из себя невесть кого», «выставляется», «а ты кто такой?», «нашелся тут!», «видали мы таких», «подумаешь, тоже мне!» – и так до бесконечности, до относительно недавнего «не возникай», причем все новые и новые словечки и выражения подобного рода появляются каждый день.

Не ставь из себя, не старайся казаться лучше, чем ты есть.

Будь самим собой.

В этом мире от основания его и до наших дней уважают лишь тех, кто естествен, кто выглядит таким, каков он есть на самом деле.

Так за детскими прозвищами встает все та же проблема правды, истинности, искренности. Сколько мир стоял, люди всегда презирали тех, кто пытается из себя что-то доказать, на что-то претендует, несет в себе неправду. Будь правдив, носи правду в себе, будь правдой!

33

Будь правдой? Снова и снова надвигается на нас огромное это слово – «правда», ключевое понятие воспитания и вообще всей духовной жизни.

«Василий Теркин» открывается зачином: нельзя на войне без воды, без пищи, нельзя солдату без прибаутки:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего?

Без чего же? Что дороже всего?

Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что же все-таки это за правда, без которой ни солдат на войне не может, ни мальчишка во дворе? Извечный человеческий вопрос. Правда – соответствие действительности? Но за соответствие действительности не пойдешь на смерть, а за правду люди не раз шли в огонь и под огонь. Мы говорим: «жить по правде», «стремиться к правде». Какой смысл в этих словах? К чему же все-таки стремиться?

Мы сейчас во дворе, слушаем детские дразнилки. Вокруг маленькие на трехколесных велосипедах, они нашли где-то металлические никелированные прутки – что с ними сделаешь? С ходу придумали: прицепили прутки к рулям, и трехколесные велосипеды превратились в милицейские машины с антеннами. Носятся по двору, режут сиренами, а один мальчишка, покрупнее, кричит: «Я буду старший, а вы – мои подчиненные!»

Все как у взрослых. Да ведь и у взрослых все как у детей... Примем это детское дворовое общество за упрощенную, наглядную модель человеческого сообщества. Говорится: устами младенцев глаголет истина. Что у взрослых на уме, то у детей на языке. Может быть, эти младенцы скажут нам истину об истине и правду о правде? Я давно обнаружил, что, наблюдая за детьми, можно многое понять из жизни взрослых.

Прежде всего заметим, что дети, в противоположность взрослым, оценивают не поступки, а личности. Кто ты? Что ты? Взрослые, если не бранятся, стараются личность не задевать, а дети судят друг друга на каждом шагу. Не говорят «не отводился», а сразу: неотвожа. Не «пожадничал» – а жадина. Не «плачешь» – а плакса. Вопросы «какой?» нет, есть вопрос «кто?»: неотвожа, плакса, жадина, маменькин сынок или, может быть, «парень что надо» – выражение, до смешного совпадающее с изысканным французским «комильфо» (что надо). В центре внимания дворового общества – личность, ее достоинство. Унижение достоинства – почти единственный повод для драки: «Я тебе дам за жадину!» Редкая драка состоится без того, чтобы маленькие противники прежде не унизили друг друга прозвищами, дразнилками или бранью. Ничего дороже достоинства для мальчишки во дворе нет, и кто потерял его, тот пропал, будет ходить в униженных и отверженных.

Но каково подлинное достоинство каждого из этих маленьких велосипедистов с блестящими прутиками-антеннами у рулей?

Увлеченные игрой, они не замечают меня, я их не интересую – незнакомый дядя. Я стою над ними, как великан, как Гулливер. Я все вижу, но не вмешиваюсь, я склонен прощать им хитрости. Я люблю их всех, они все одинаково дороги мне, все равны. Я отношусь к ним гораздо лучше, чем они относятся друг к другу, и при необходимости каждый может обратиться ко мне за помощью и защитой. Со своей высоты и со своим опытом жизни я вижу истинную цену каждому, невидимую им, неизвестную им. Я вижу, что действительная цена каждого мальчишки сильно расходится с той, которая назначена ему во дворе, – то выше, то ниже. Скорее всего, и я ошибаюсь. Но вот что важно: а есть ли на самом деле подлинная цена каждому – не та, что дети назначили, и не та, что я даю, а действительная, подлинная, настоящая?

Конечно, есть. В ней-то правда о мальчишке.

Но ведь и в обществе взрослых все то же самое. У нас тоже есть соблазн представить себе кого-то взрослее взрослого, возвышающегося над всеми, как над мальчишками во дворе, и потому всеведущего и всепрощающего кого-то, кто знает всю правду о каждом и когда-нибудь скажет ее: кто есть кто, о достоинстве каждого человека. Ничего более значительного, чем достоинство, для взрослых, как и для детей во дворе, нет. У взрослых с достоинством связано все. Важно, что есть для каждого и для всех вместе высшая цена.

Эта цена – правда. Всем необходимо, чтобы их ценили по высшему достоинству, по правде.

Подлинная цена человека – это правда о нем.

Отчего в русском языке два схожих слова: «истина» и «правда»? Зачем-то это нужно. Попытаемся развести значения этих слов.

Пользуясь принятым методом – искать смысл важнейших понятий в глубине нашего сознания, то есть в языке, – отметим такую странность: можно сказать «моя правда», «ваша правда», «правда о войне 1812 года», «правда о Суэцком канале», из чего следует, что должно бы существовать и множественное число от слова «правда»; однако его нет. Множественное от «правда» практически не употребляется. На всех и на все случаи жизни правда одна.

Между тем слово «истина» имеет множественное число: простые истины, трудные истины, истины, открытые в детстве. Истин – тьма: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Истин – тьма, правда – одна.

Почему?

Да потому, что предмет истины – факты природы и истории, а их бесконечное множество. Предмет правды один: человек.

Истина – о природе. Правда – о человеке. И не просто о человеке (тогда и «правд» было бы много – сколько людей, столько и «правд»). А о его достоинстве, едином на всех.

Так и будем считать. Отнесем слово «истина» к любому устройству, к любой истории, а слово «правда» – к достоинству человека.

Когда мы узнаем нечто об устройстве мира, природы, общества, о том, что происходило, или происходит, или даже будет происходить, мы постигаем истину. А когда мы узнаем что-то о ценности человека, мы постигаем правду. Сведения об анатомии, физиологии, психологии человека, о социологии человеческого общества добывают соответствующие науки – это истины. Правду о человеке может сказать лишь мудрец, философ. Правда хранится в народе, между людьми, им известна, их волнует и манит. Возвышающий нас обман дороже тьмы низких истин потому, что он вовсе не обман, а правда – возвышение человеческого достоинства. Он – обман лишь по отношению к истине, а по отношению к правде он – правда.

Чем больше возвышен в нашем сознании человек, тем ближе мы к правде, потому что правда – это идеальный человек, идеально высокое человеческое достоинство, его идеально высокая цена. Речь идет не о качествах человека (смелый, честный, добрый), а именно о достоинстве, его охране и его нарушениях. Когда мы спрашиваем: «Какая завтра погода?» – мы хотим знать истину о погоде, больше ничего. Но стоит спросить: «Скажите мне правду, какая завтра погода?» – и сейчас же появляется предположение, что по каким-то причинам, жалея меня или желая нанести вред, могут сказать неправду, обмануть. О Суэцком канале можно сообщить большое количество истин: когда он открыт, какова его длина, ширина и так далее. Но в книге «Правда о Суэцком канале» наверняка опровергается какая-то неправда. Где правда – там предполагается и возможная неправда, ложь, обман. Машину о правде спрашивать смешно, она может ошибаться, но обманывать не может, обман – сознательное унижение человека, его достоинства, и любой спор о правде или неправде, даже по самому мелкому случаю, – это в конечном счете спор о человеческом достоинстве.

Всякий суд начинается с установления истины: что произошло? Кто, где, когда, каким образом? От свидетелей требуют говорить правду, и только правду, потому что они люди и, следовательно, в зависимости от их представления о достоинстве человека они могут говорить и ложь. Но после того как беспристрастным исследованием истина была найдена (и не произошло судебной ошибки), суд и сам вступает в область права и правды: как оценить людей, ответственных за происшедшее?

Не раз бывало, что суд, установив истину, приговаривал подсудимого к смерти, а суд истории, пользуясь той же истиной, объявлял бывшего подсудимого героем всех времен и народов, как это случилось, например, с Сократом. В таких случаях говорят, что правда восторжествовала.

Давно, в пятом веке до нашей эры, когда философия впервые занялась человеком (до того она была натурфилософией, ее интересовали истины, устройство мира), софист Протагор написал знаменитые слова: «Человек – мера всех вещей». А что же правда? Правда – мера человека. Правда и появилась лишь с появлением человека, она моложе истины, поэтому можно сказать «истинная правда», но нельзя сказать «правдивая истина». Истина скрыта в природе, правду человек несет в себе. Он не только знает или не знает правду, он и сам есть правда или неправда.

Правда – мера человека. Чем дальше цена, назначаемая обществом человеку, от действительной, подлинной его цены, тем острее у человека чувство неправды, тем более склонен он негодовать.

Есть ли правда или ее нет, по достоинству ли относятся к человеку – тревожный вопрос всех правдолюбцев и правдоискателей. Извечная борьба за правду – борьба за то, чтобы ко всякому человеку относились по-человечески и полной мерой отпускали ему уважение и блага. Ведь и само слово «уважение» – от «важность», «вага» – вес. Правда – в уважении к человеку.

Есть ли абсолютная истина? Есть, их много, в каждом случае своя, и человечество с развитием науки постепенно приближается к ним во всех областях знания.

Есть ли идеальная правда? Есть сокровенная правда, чистая правда, иной раз горькая правда, и всегда – святая правда. Словом «святий» обозначают высшее (святая к Родине любовь, святыни народа, святое чувство, святая память о погибших за Родину, святая правда...). Правда одна. В отличие от истины она не может быть даже старой или новой: говорят «я узнал правду», а сказать «я узнал новую правду» – трудно, между тем новые истины открываются чуть ли не каждый день.

Мы так высоко ставим великих людей прошлого, великих героев, великие деяния, храним память о них – потому что в них содержится правда. Петр I особым указом повелел, чтобы в училищах во время трапезы читали вслух биографии великих людей по Плутарху. Мы читаем и рассказываем детям о великих не только для подражания и примера, но и для того, чтобы в сознание ребенка проникало представление об истинной ценности человека, высокое представление о правде.

Правда – в человечности, гуманизме, высочайшем уважении к достоинству человека. Другой правды нет. Педагогика не может быть гуманной или негуманной, негуманная педагогика – это что? Педагогика, построенная на лжи? Нет, мы воспитываем детей правдой. Когда мы относимся к ребенку лживо, то есть не уважая его достоинство, он сопротивляется нам. Когда мы относимся лживо, то есть без уважения, к самим себе, ребенок перестает уважать нас, и воспитание практически прекращается. Воспитание идет только до тех пор, пока между воспитателем и воспитанником – правда во всем, и устанавливает эти отношения правды и справедливости взрослый.

Стремиться к правде – всей душой ценить и уважать каждого человека и самого себя как человека, стремиться к тому, чтобы такое уважение было общей нормой, чтобы правда всюду торжествовала, чтобы нигде и ни в чем человек не был унижен, обижен, оскорблен, не оценен, оставлен в небрежении, без помощи, в темноте, чтобы никому не было отказано в свободном развитии всех его сил.

Иногда говорят: «Как верить в человека? Как это – правда в человеке? Посмотрите на людей – как они дурно живут, они обманывают друг друга, они ленивы, жадны, жестоки! В кого верить? В них? В этих?»

Но все мы бываем в разных состояниях. И никто из нас не любит вспоминать о себе жестокосердным, несправедливым, резком. А если и вспоминает, то всегда находит этому объяснение. И не потому, что мы оправдываем себя, а потому, что внутри себя мы знаем, что на самом деле мы другие, мы лучше, и это-то и есть правда о нас.

Но почему-то, когда мы сталкиваемся с проявлением дурных свойств в людях, мы судим их иной мерой, отказывая им в правде лучшего.

Будем защищать это лучшее в человеке, будем стремиться к правде в нем, то есть будем утверждать его достоинство на земле.

Правда – в славе человеческой!

Но вернемся из высоких сфер в обыкновенный наш двор, где среди других мальчиков и девочек бегают по лужам и наш или наша.

Многие родители требуют от детей, чтобы те говорили правду, и на том успокаиваются. Или требуют, чтобы правду говорили родителям:

– Разве маму можно обманывать? Ты кого пытался обмануть – маму?

Других людей, очевидно, обмануть не грех. Только маму нельзя.

Не будем так уж бояться детской скрытности, требовать: «Говори мне всю правду, я должна знать, я хочу знать». У нас нет права на душу ребенка. Будем принципиальны в вопросах чести, но побоимся сильно принципиальничать в простых житейских обстоятельствах. Ребенок скрытничает или обманывает, чтобы не огорчать родителей, чтобы покороче ответить, или потому, что лень, неохота давать отчет о происшедшем, или потому, что боится подозрений, боится, что его не поймут. Дадим ребенку возможность обманывать нас весело.

– Ой, врешь! Чувствует мое сердце, что врешь! Все ты врешь! – смеется мама, и мальчик смеется, и тем дело кончается.

Разоблачая ложь, мы гордимся своей проницательностью, но меньше любим своего ребенка, и он меньше любит нас.

Говорение правды, правдивость – важное свойство. Но еще важнее правдивость поведения. Ребенок чаще всего обманывает нас не в словах, а в поведении. Он не тот в наших глазах, каким кажется учителю, сверстникам, младшим ребятам и старшим. Он всюду разный, но значит ли, что он всюду лжив?

Относительно недавно была разработана социологическая теория ролей: человек действует по неписаному сценарию, играя то роль сына, то роль мужа, то роль брата, то роль покупателя, то роль сослуживца. Чем основательнее усваивает он жизненные роли, тем он лучше приспособлен к жизни. Есть соблазн и все воспитание свести к обучению социальным ролям. Так воспитанный человек всюду будет действовать как надо. Но не потеряет ли он самого себя? Где же он настоящий? Наедине с собой, что ли? Одной из ведущих тем мировой литературы XX века стала потеря человеком себя и поиски себя настоящего.

Нет, роли ролями, без них не обойдешься, и дети всегда играют в ролевые игры, но люди любят человека определенного, цельного. Он всегда то, что он есть. Недостатки не так волнуют нас, как стремление скрыть их, поднять себе цену, обмануть. Неправда в человеке, человек-туфта, раздражает безмерно.

Но как трудно воспитать цельного, правдивого человека!

Варвара в «Грозе» Островского говорит: «А по-моему, делай, что хочешь, только бы шито да крыто было».

Противоположный взгляд выражен в реплике Катерины: «Что при людях, что без людей, я всегда одна, ничего из себя не доказываю».

Это нам больше нравится? Но ведь Катерина жила в материнском доме, словно птичка на воле, ни об чем не тужила, а когда ее, шестилетнюю, чем-то обидели, она выбежала на Волгу, села в лодку да отпихнула ее от берега – через десять верст нашли. Согласны мы на такую девочку? Что бы мы с нею сделали, вернув домой?

Расти цельным, подлинным, искренним человеком – значит расти без страха перед людьми, их укорами и насмешками, не бояться выглядеть глупым, смешным, отстающим.

Как Иванушка-дурачок всех побеждает и женится на царской дочке, так и в обычной жизни мальчик, долгое время отстававший, казавшийся неуклюжим, неотесанным, – именно он и становится замечательным человеком, если его растили в правде, и все его любят, и все

удивляются: «Поди ж ты! Кто бы мог подумать!» Я не раз был свидетелем историй о гадком утенке.

Наш бесхитростный ребенок хуже всех. Выдержим ли? И учителя будут укорять нас, и соседи, и знакомые – что, мол, он у вас такой... Непохожий какой-то, не как все дети.

Я ждал с мальчиком электричку на пустынной платформе; он шалил, бегал, смеялся, махал руками, изображая птицу, дурачился. Какой-то пьяный, опустившийся человек привязался ко мне: почему я плохо воспитываю его? Видеть вольного мальчика ему было невыносимо, он бранил меня и ругал с озлоблением. А сколько упреков приходится вынести от школы, от знакомых: «Ленивые, нерадивые родители... Портят детей! Вот из таких-то...»

А потом дети вырастали, и все говорили: как вам удалось воспитать их такими? И даже про маленького невыносимого нашего Матвея воспитательница в детском саду говорит: «Как вам удалось воспитать такого мальчика? Ни на кого не похож! Конечно, с ним трудно, но ведь как его любишь! Я укладываю детей спать, а с ним сижу чай пью... С ним так интересно!»

Чтобы ребенок вырос естественно добрым и честным человеком, чтобы он не старался казаться лучше, чем он есть, приходится исключить принуждение из арсенала воспитательных средств. Принуждая, мы заставляем ребенка делать нечто такое, что не отвечает его сущности, – иначе его и не пришлось бы принуждать.

Мы боимся, что наших детей обманут и обидят, мы учим «давать сдачу», родители чуть ли не младенцами записывают детей в секции самбо. Но на сильного всегда найдется и посильнее, на храброго в драках – и похрабрее, на самбиста – каратист.

Никто в этом мире не защищен, кроме правдивого человека, который есть то, что он есть. У него лучшая защита – уважение людей.

Лишь то воспитание прочно, которое приучает ребенка быть самим собой. Быть, а не казаться.

36

Две трудные проблемы у воспитателя:

первая: как вырастить доброго и честного, правдивого человека;

вторая: когда вырастишь доброго и правдивого человека, то как ему жить?

Только очень наивные люди думают, будто мир изменится от фраз, начинающихся со слова «пусть»: «Пусть каждый на своем месте хорошо работает, и все будет хорошо», «Пусть каждый займется собой, постарается быть добрее, и все будут добрые», «Пусть каждая мать воспитает хорошего человека, и мир превратится в рай». Пусть-то пусть, да не получается. Нужно очень много условий для того, чтобы наше «пусть» приобрело хоть какую-нибудь силу, а без этого оно скрывает обман. Вместо серьезного исследования обстоятельств жизни, вместо серьезной и тяжелой борьбы – легкое «пусть».

Но как же все-таки быть?

Предположим, думает иной читатель, я постараюсь и дам своим детям счастливое детство; предположим, они вырастут честными и добрыми людьми. Но каково им будет жить с их честностью и добротой? И что будет с моими детьми, когда они, выйдя из счастливого детства и мечтательной юности, встретятся с суровой действительностью? Разочарование, крушение идеалов, растерянность, отчаяние – вот что их ждет...

Рассуждения такого рода, с виду безукоризненно логичные, подозрительны своим удобством. Это очень удобные рассуждения! А в нравственной жизни все, что удобно, то скорее всего ложно.

Каждый из нас хоть иногда слышит голос совести. Но жить по совести трудно, а иной раз совесть толкает буквально к гибели. А жить-то хочется.

Поэтому каждому человеку для выживания вместе с совестью дана еще и антисовость – тот внутренний голос, который утишает голос совести, опровергает его или просто заставляет замолчать.

Совость, увидим мы дальше, есть решительно у всех; нет человека без совести, как нет человека без сердца. Но есть люди с такой сильной антисовостью, что совести в них и вовсе не заметишь. Заглушена.

Воспитывать честных и добрых детей некоторым очень легко, не нужно почти никаких усилий; а некоторым – невероятно трудно. Но совость мучит. И тогда усиливается голос антисовести: «И не надо честности, пропадешь с ней».

Голос антисовести обычно подкрепляется услужливым здравым смыслом. Например, говорят же – тяжело в учении, легко в бою. Вот и будем с детства готовить ребят к тяготам жизни. Пусть с ранних лет узнают они суровую правду жизни.

Для физической закалки и приучения к дисциплине солдатам необходимо тяжелое учение. Но духовные законы не те, что законы физического развития. Для закаливания тела нужно спартанское воспитание, а для закалки духа нужны идеалы, представление о счастье, здоровая нравственность.

Крепкий духом человек не ждет от жизни легкой удачи. Не знавший особых трудностей в детстве, он тем не менее лучше подготовлен к встрече с жизнью. Он здоровее! Он не предастся унынию, не впадает в отчаяние, он не меняет взглядов под влиянием первого встречного, не теряет веру в жизнь после первой же беды. Он видит в людях не одно лишь дурное, но и доброе. Он способен улыбнуться, наконец! Он знает счастье и верит в него.

Я специально расспрашивал многих людей, у которых было счастливейшее детство и суровая, иногда страшная жизнь. Они все говорят, что только душевные и духовные силы, полученные в детстве, помогли им все выдержать и выстоять.

Ошибка взгляда на детей как на солдат, которым тяжело в учении, но легко в бою, состоит в том, что под словом «воспитание» воспринимается одно лишь приучение. К чему приучили – то и будет. Воспитание смешивают с дрессировкой. Между тем приучение в воспитании, особенно сегодняшнем, играет сравнительно небольшую роль.

Человечность, сильный дух – вот что может и что должно дать воспитание. Остальное зависит от природных способностей человека и его судьбы. Если же нам кажется, что честному и доброму жить плохо, что надо с детства приучать ребенка к трудностям жизни, то давайте не кормить детей и ничем не радовать, в чем дело?

Многие из нас, да что там – все! – желают своим детям хорошо устроиться в жизни. Это можно понять. Говорят: мы жили трудно, пусть им будет полегче. Другие, напротив, говорят: я жил трудно, мне никто ничего не давал, почему я должен давать им, детям? Даже и это можно понять.

Но поймем тогда, что педагогика не является наукой о хорошем устройстве в жизни. Педагогика – наука об искусстве воспитания здоровых, самостоятельных, честных, добрых, счастливых людей, и не больше. Про устройство в жизни педагогика ничего не знает, для этого надо искать какую-то другую науку и, соответственно, другую книжку.

37

Перебирая достоинства, ожидаемые нами в детях, мы всюду, в каждой цели обнаруживаем одно и то же: неразрешимое противоречие. Самые привычные слова и понятия взрывоопасны. Цели дwoятся, а раздwoившись, спорят между собой, не совмещаются. Образ Ребенка заслоняет нами же созданный образ Человека, совость ослабляет миролюбие, долг и правда сшибаются, трудно в одно и то же время быть самим собой и быть как все люди, и невозможно растить идеального человека для неидеального мира.

В педагогических книгах между двумя трудносоединимыми понятиями обычно ставят союз «и», например: «Дети должны быть дисциплинированы и творчески активны». Кто возразит? Но это «и» – чернильное, оно лишь прячет проблему. Где на бумаге маленькое «и», в жизни – пропасть.

Нет, «и» – чернильным не обойдешься, надо сделать усилие и попытаться понять нечто непривычное, не поддающееся обычному представлению.

Воспитание – это духовный процесс; но много ли мы знаем о природе и законах духовных процессов? Мы проходили в школе физические процессы, химические, изучали общественный процесс и литературный, процесс образования грозовой тучи и оплодотворения. Кто изучал логику, у того есть представление о мыслительных процессах.

Но ведь существуют еще и духовные процессы, они по природе своей отличаются от общественных, логических и биологических. Это отличие должно выглядеть в наших глазах странностью, нарушением привычной логики.

Что ж, открыто множество странностей внутриатомного мира: электрон находится в данном месте – и не находится, он на этой орбите – и на другой, и так далее. Да что электрон! Чтобы понять движение обыкновенного шарика по плоскости, мы должны допустить, что в каждое мгновение он и находится в данной точке – и не находится. Не сначала находится, а потом не находится, как представляет себе дело обыкновенный ум обыкновенного человека, а именно – сразу и есть он тут, и нет его, иначе движение не поймешь. Современная физика полна всевозможных «и есть, и нет». Но разве человек проще электрона и шарика?

Душа человека – такой же странный мир, как и мир атома, а может быть, еще более странный – во всяком случае более зыбкий. Не «сложный» мир, с чем все согласится, а именно странный, не такой, как всё, что нас окружает, по другим законам живущий.

Читателю еще предстоит путешествие в глубь этого удивительного мира, таящего в себе энергию, сравнимую с ядерной; пока что отметим первое и, видимо, общее свойство всех духовных процессов: здесь противоречия не имеют разрешения. Выбрать «то» или «это» нельзя, должно быть сразу и то и это. Мы должны видеть в двухнедельном младенце сразу и человека-ребенка, и человека-взрослого, причем не так: отчасти ребенок, но уже и человек, нет, наш младенец полностью ребенок и полностью человек, его человеческая жизнь уже сейчас идет полным ходом.

Нам кажется иногда, что разгадка в слове «мера». Пишут, что в педагогике главное – знать меру. Это вроде «и» – чернильного: легко написать «надо знать меру», но за этим «надо» скрываются такие сложности, что для их описания не хватит и толстой книги. Мера в духовных процессах – не отсчитанная золотая середина, не отметка на шкале. В духовных процессах нет шкалы, нет меры, нет дозы, нет золотой середины, здесь живое и животрепещущее противоречие. Его нельзя снять, его и надо принимать таким, какое оно есть. Не разрешать его, не уничтожать, не обходить, а сохранять и поддерживать. Совести не может быть чуть-чуть или наполовину. Мы должны давать детям самостоятельность и не должны давать ее, мы должны понимать детей и не должны, мы должны баловать их – мы не имеем права баловать. И то, и другое, и все целиком, хотя то и другое как будто несовместимо. Огонь – вот образ, наиболее точно отражающий духовные процессы. Огонь, в котором сгорает топливо и кислород и рождается тепло – оно согревает детскую душу, оно как солнце для детской души.

«Есть час Души, как час грозы...» – написала М.Цветаева. Душа – гроза, молния, противоборство и светлое слияние, огонь.

Мы все изучали начала диалектики в школьных курсах обществоведения, но почему-то думаем, будто диалектика, борьба и единство противоположностей – это нечто философское, не имеющее отношения к практической жизни. Да вот же она, диалектика, на кухне, где мама готовит обед, а ее семилетний сын канючит: «Мам, можно я пойду погулять? Ну ма-ам, можно?»

В вечном противоречии мир и совесть – и в вечном согласии. В борении и единстве, в столкновении и соединении протекает наша нравственная жизнь. От нас всегда и в каждое мгновение требуется духовное напряжение, трата духовных сил, иначе не получается:

Так нас природа сотворила,
К противуречию склонна!

38

Но именно эти противоречия и делают необходимыми воспитание и педагогику. Если бы любовь и совесть, правда и долг, самостоятельность и душевная зависимость от родителей сами собой соединялись, то воспитание было бы не нужно.

Говорят о творческой мощи писателя, о силе ума, о сильной кисти художника.

Но есть и воспитательная сила, воспитательная мощь человека. Это не сила авторитета, не сила характера, не воля и даже не любовь и не мудрость, а духовная сила соединять противоречивые духовные движения в одно, достигать гармонии, нравственной красоты. Этой силой обладают иногда тихие и слабые женщины, но ее не было, например, у мощной характером Кабанихи, все приводившей в трепет. Воспитательная сила не гнетет человека, не подавляет, а возвышает его. Это подъемная сила души.

Сила эта дает полноту и многообразие каждому душевному движению воспитателя. Мама говорит сердитым голосом, но в нем столько любви к провинившемуся! Мама говорит требовательным голосом – но это вдохновляющая требовательность, мальчик счастлив подчиниться. Мама хвалит ребенка – а в глазах у нее усмешка. Мама дразнит его – но и подбадривает. Мама говорит: «Опять ты бездельничаешь, а ну садись за уроки», но когда третьеклассник приносит двойку, она жалеет его, гладит по голове и ставит тесто на пирожки.

У слабых воспитателей все плоско, односторонне, они пытаются снять нравственные противоречия, не чувствуют их. У сильного все объемно, богато, как радуга, чувствами, оттенками, обертонами, все так же противоречиво, как и сама жизнь, все побуждает ребенка принимать мир в его сложности и противоречивости – все укрепляет его нравственность и его дух.

Великое, красивейшее явление человеческого духа – воспитательная сила.

39

Составим подобие прогноза на будущее.

Мы воспитываем ребенка по образу Ребенка, и успех зависит от того, есть ли у нас воспитательная сила подвести детей к этому нашему образу и отвечает ли он, этот образ, образу Человека.

Когда образ Ребенка правилен, а воспитательная сила велика, выходят очень хорошие люди. Здоровые, нравственно красивые, счастливые, естественные.

Когда образ Ребенка правилен, а воспитательная сила слаба, результат предсказать труднее, но, вероятно, все будет хорошо.

Когда образ Ребенка ложный, а у воспитателя есть какая-то сила (скажем, сила характера), то результат, по всей видимости, будет плохим. Можно надеяться лишь на благотворное влияние школы или чужих людей, если таковых пошлет судьба.

Если же и образ Ребенка ложный, и воспитательной силы нет, то результат непредсказуем, потому что в этом случае воспитывают стихии двора, улиц, школы, случайные встречи. С кем ребенок поведется, от того и наберется.

Следовательно, нужно стараться создать более правильный образ Ребенка и развить свою воспитательную силу. Этим двум задачам, в сущности, и служит педагогика – наука об искусстве воспитания детей.

Завернув ребеночка в теплый платок, Катя, наша дочка, сидит в уголке на кухне и напевает песенку о сурке. Голые ножки в голубых вязаных пинетках высовываются из свертка, маленький гулит, подает голосок, словно подпевает маме, и Катя от этого счастлива. И по тому, как она поет, как наклоняется к сыну, как смотрит на него, какой у нее ласковый и веселый голос – по всему видно, что из этого ребенка вырастет Человек... Но как передать тайну этого мгновения здесь, на бумаге? Как научить искусству таким голосом напевать «Сурка» новорожденному, завернутому в бабушкин клетчатый платок?

Глава 2

Условия воспитания

1

В русской классической литературе была традиция: почти все писатели и критики занимались педагогикой. Или они сами учили детей, или открывали школы, или писали о воспитании детей так много, что выходили целые тома их педагогических сочинений. Да и художественная литература прошлого была переполнена педагогическими мыслями. «Война и мир» открывается сценами в салоне Анны Павловны Шерер, там говорят о политике и о воспитании детей; а заканчивается роман сценами в доме Безуховых – там говорят о воспитании детей и о политике. Политика, литература, воспитание – это один узел интересов, высокая литература и высокая педагогика всегда сливаются в одном стремлении к правде: чтобы человеку было лучше, чтобы человек был лучше. Разумеется, чем меньше назидательности в литературе, тем она художественнее. Но это правило касается и педагогики: чем меньше в ней назидательности, тем она педагогичнее.

Литература и воспитание всегда вместе, однако в наши дни появилось и разделение. Воспитание перешло в ведение педагогов и психологов – мы живем в век специализации. Никто, не будучи специалистом, не смеет публично трактовать ученые вопросы.

Но в воспитании своих детей специалистов быть не может, отцов-профессионалов и мам-профессионалок на свете нет. Воспитание своих детей – одно из самых благородных дел, ему можно отдать жизнь, но профессией оно стать не может. К тому же воспитание – это искусство, а где искусство – там талант, там сердце, интуиция, вдохновение, любовь и прочие ненаучные вещи. Где искусство, там результат без процесса: каким-то образом получилось, но как? Магия... Так и говорят: магия искусства. Наука – это бегство от «чуда», по известному слову Эйнштейна, а воспитание, а искусство непременно содержит в себе какое-то чудо – иначе искусства нет, одно только холодное ремесло. Как это все совместить? Может ли наука оперировать ненаучными, туманными понятиями вроде «сердце» и «любовь»?

Может. Есть искусство писать книги, и есть наука об искусстве писать книги – литературоведение. Есть искусство играть на сцене, и есть наука об этом искусстве – театроведение. Есть искусство воспитания – и есть наука об этом искусстве, педагогика. Стопроцентная наука о стопроцентном искусстве, но с одним отличием от точных наук: как у всякой науки об искусстве, ее язык тоже должен быть приближен к искусству. Педагоги, стараясь быть «научными», пытаются иногда обойтись без неточных понятий – любовь, сердце, – но без них ничего нельзя ни объяснить, ни предсказать, и наука перестает быть наукой. Точным языком о воспитании не скажешь – получается ненаучно. Наоборот, когда мы говорим об искусстве воспитания ненаучным языком, мы ближе к правде и, следовательно, ближе к науке. Все науки стремятся к безличному, общему, а педагогика безличной быть не может, ее нет вне личности. Все науки бесстрастны, а бесстрастная педагогика ненаучна.

Вот почему воспитанием всегда занимались не просто педагоги, но педагоги-писатели и педагоги-публицисты: Коменский, Руссо, Песталоцци, Ушинский, Л.Толстой, Макаренко, Крупская, Корчак, Сухомлинский. Три главные педагогические книги XX века называются «Педагогическая поэма», «Как любить детей», «Сердце отдаю детям».

Поэма, любовь, сердце...

2

Многим людям, в том числе и ученым, кажется, будто наука о воспитании детей в семье – та же самая наука, что и о воспитании в школе, а учитель – специалист и в домашнем воспитании.

Но, оказывается, все не так.

Педагогика – наука об искусстве воспитания детей, но не всех, а только чужих. Когда же дело доходит до собственных детей, то всякая наука вроде бы кончается и начинается неизвестно что. Даже у самых прекрасных учителей бывают никудышные дети – не видали? В таких случаях осуждающе говорят: своих детей воспитать не умеет, а за чужих берется!

Но много ли хирургов делали операции на собственном сердце?

Да, чужих воспитывает, а своих не всякий может, потому что наука педагогика, помогающая учителю в его трудах, хорошо работает, когда перед воспитателем тысяча детей, похуже – когда их тридцать, и совсем плохо, когда один-два-три. Тут происходит незаметная смена наук. Для воспитания тысячи детей нужна наука управления, для воспитания одного – наука общения, а это принципиально разные науки, вот в чем дело.

Педагогика развивается сотни, даже, можно сказать, тысячи лет. Наука же общения так мало разработана, что ее нельзя пока что преподавать в институтах.

Вот тут-то мы и попадаемся. Родина обучения – школа, учить надо, как в школе учат. А родина воспитания – семья, воспитывать надо, как в семье. Между тем бывают учителя, которые пытаются учить как дома, и бывают родители, которые хотят воспитывать детей как в школе, – и ни у тех, ни у других ничего не получается. Правила, методы, идеи, взгляды, выработанные учителем в опытах над чужими детьми, то есть в школе, совершенно не годятся для семейного воспитания.

У воспитателя в школе есть мощное орудие – коллектив детей, ребенка воспитывает дух коллектива. Иногда говорят, что и семья – маленький коллектив. Но, во-первых, порой до того маленький, что само слово «коллектив» употребишь разве в насмешку, а во-вторых, в маленьком этом коллективе такие бывают великие раздоры, что о воспитании и речи быть не может.

Чем меньше детей – тем труднее, а не легче работа воспитания. Ведь школьный педагог, который, имея сорок детей, справляется с тридцатью девятью из них, считается прекрасным учителем, а сорокового, неуправляемого, стараются обычно куда-нибудь сплавить. Даже такой великий педагог, как Януш Корчак, говорил, что ни один воспитатель не вырастит сто хороших детей из ста детей. Но у мамы-то сороковой – не сороковой, а первый и единственный, и никуда его не сплывишь и на другого не обменяешь. Столетиями призывают учителей к индивидуальному подходу, говорят: «Надо найти ключ к каждому», и всегда это было труднейшей частью педагогической работы. Но у папы и мамы никакого другого подхода, кроме индивидуального, и быть не может. У профессионала-учителя не получается, а у мамы-непрофессионала должно получиться.

Но это все ничто по сравнению с главным различием между школьным и семейным воспитанием: в школе воспитывают учителя, отобранные при поступлении в училище или институт, отобранные учением, отобранные самой школой – кто совсем не справляется или не подходит по нравственным своим качествам, тот вынужден уйти, сменить профессию (хотя, конечно, случается всякое).

Но ведь еще ни у одной будущей мамы, когда она ночью постучалась в родильный дом, не спросили справки о ее педагогических способностях, о ее пригодности к той работе, к которой она приступает с рождением ребенка...

От этого все путается в науке о семейном воспитании, совершенно не похожей на все остальные науки, создаваемые профессионалами для профессионалов.

Профессиональная педагогика, обращаясь к специально отобранным и обученным людям, может опустить законы этики, законы человеческого общения и сосредоточиться на системах, приемах, способах и методах воспитания. В домашней же педагогике эти главные, общечеловеческие, этические вопросы – куда более трудные, чем чисто педагогические – опускать нельзя, без них разговоры о методах и приемах – пустое дело.

Маме говорят: «Вы должны, вы обязаны», то есть обращаются с ней как с учительницей, которой при случае можно делать выговор, а то и уволить ее. Но маму-то не уволишь!

Маме говорят:

– Если ребенок не послушался вас, то надо повторить приказание голосом, не допускающим возражения.

Совершенно правильно! Надо! Но что делать, если мама не умеет говорить таким голосом, и чем больше пытается она быть строгой, тем хуже результат?

Маме говорят о методах и приемах, а она приходит с работы и видит, что ее озлобившийся десятилетний сын нашел зубило, молоток и сбивает штукатурку на кухне.

Тут тебе и методы, и приемы, и способы вместе взятые...

И со всех сторон говорят маме: «Надо, чтобы... Надо, чтобы... Надо, чтобы...»

Надо, чтобы ребенок знал слово «нельзя».

Надо, чтобы ребенок знал слова «пожалуйста» и «спасибо».

Надо, чтобы ребенок не баловался, и надо, чтобы он рос рыцарем, – почему вы не научили его рыцарству, мамаша? Надо, чтобы ребенок с детства был приучен уступать дорогу старшим...

Да надо, надо, все надо, кто спорит?

Но что делать, если не получается, и даже непонятно, отчего не получается? Ведь мама всё делает как все!

Вот и выходит: с одной стороны педагогика, набор замечательных научных суждений для замечательных родителей, а с другой стороны родители, отнюдь не замечательные – детей ведь воспитывают не одни только герои известной книжной серии «ЖЗЛ». Родители внимают педагогике, стараются изо всех сил, а у них ничего не получается. Они и не подозревают, что им преподносят правила, выработанные в школе и не имеющие никакого отношения к семейному воспитанию!

Словом, воспитание в школе – одно, воспитание дома – другое. То – то, а это – это.

Ну, например, хороший мастер всегда лучше плохого – кто не согласится с этим утверждением? И, разумеется, талантливый учитель лучше бесталанного. Однако плохая мама, но своя заведомо лучше хорошей, но чужой... Плохое лучше хорошего! Посмотреть бы на математиков и логиков – как управились бы они с такой наукой.

3

Мало того! Первое, что должна сделать странная наука о семейном воспитании, – это установить факт, что люди прекрасно обходились и обходятся без нее, без науки.

В самом деле, кто видел детей, воспитанных по науке? Никто.

Потому что детей воспитывают не по науке, а по вере. Не будем бояться этого слова, оно не раз еще встретится нам. Духовные процессы совершенно не поддаются анализу и объяснению без понятия о вере.

Мы и сами не знаем, откуда берутся наши педагогические убеждения, они кажутся нам здравым смыслом – мол, как же иначе? Педагогическая вера живет в нас, поскольку все мы закончили пятнадцатилетний родительский педагогический институт. Нас не только воспиты-

вали так или иначе, нас при этом учили воспитывать своих будущих детей. Воспитание – первый вид человеческой деятельности, с которым сталкивается человек, рождаясь на свет. Сначала он на собственной, так сказать, шкуре узнает, как воспитывают, – а потом уж видит он, как варят обед, убирают, забивают гвозди, гладят белье, и лишь много позже увидит ребенок, как работает шофер, врач, продавец – первые герои детских игр. Но сначала – «дочки-матери». Сначала – воспитание.

Дайте самой маленькой девочке куклу, и она начнет баюкать ее и укладывать спать (самые большие неприятности у детей связаны с укладыванием в постель), а может быть, задерет ей платице и начнет шлепать, приговаривая: «Ата-та, ата-та! Ты почему не слушаешься?»

Мама возвращается с сынишкой из детского садика и ведет неторопливую педагогическую беседу:

– Мишка все игрушки разбросал, раскидал... Что мы с ним сделаем?

– Отлупим, – равнодушно отвечает мальчик.

Мама – интеллигентная женщина, современная, она оглядывается: вдруг кто-нибудь услышал?

– Ну зачем же так – «отлупим»... – говорит она неуверенно.

– А вы меня лупите? – возражает мальчик. – Лупите. И его отлупим.

– Ну, мы тебя лупим, когда ты упрямисься...

– И он упрямится, – говорит мальчик.

Ему пять лет, но он точно знает, как надо воспитывать. Человеку еще расти и расти, а воспитание будущего воспитателя уже закончено.

Но вера есть вера. Она необходима, она и опасна. Убеждения, воспринятые в раннем детстве, – это не перчатка на руке, а сама рука; люди крайне неохотно расстаются с убеждениями даже тогда, когда совершенно очевидно, что они не отвечают жизни. Вера обладает свойством укрепляться даже при столкновении с опровергающими ее фактами.

Отец слишком строг с ребенком, маленький превратился в зверька, стал неуправляемым, а отцу кажется, что он еще и недостаточно строг. Он винит жену, тещу, ребенка, самого себя винит, но ему и в голову не приходит, что виноваты его убеждения. Он и знать не знает, что у него есть какая-то педагогическая вера и что она может быть совсем другой, что ее можно сменить.

Это объясняет, отчего одним людям советы по воспитанию идут впрок, а другим нет. Если советы противоречат вере отца или матери, то, конечно же, в них не будет толку. Это все равно что советовать японцу есть вилкой, а европейцу посоветовать есть палочками, а про вилки забыть. Педагогический совет хорош лишь в том случае, если он отвечает нашей вере. Да и эта книжка у одних вызовет одобрение: «Вот-вот! И я так думала!», а другим покажется несообразностью.

Если у вас все хорошо с ребенком – то и ладно, закройте возмущающую вас книгу; но если не получается – присмотритесь, может быть, дело в педагогической вашей вере?

Все начинается с веры!

4

Но первое сомнение в истинности распространенной педагогической веры должно возникнуть, когда мы обнаруживаем полную необъяснимость результатов воспитания.

Вот отрывок из польского детективного романа, сюжет которого в том, что некий молодой человек ограбил дачу и при этом убил случайно оказавшуюся там служанку. Такой герой. Откуда он взялся? Инспектор полиции приходит к родителям, и отец преступника говорит ему:

– Вы сами понимаете, как это для нас страшно. Мы жили для него, у нас ведь никого больше нет... А он? Почему?... Почему так?

– Нет теперь религиозного воспитания, – сказала мать.

– Ерунда... Я был с ним строг... И требователен. В кино – только в награду, никаких сигарет, водки, дурных книжек... Ему хорошо жилось... Всегда сыт, в доме согласие, порядок, в четыре обед, в семь ужин, в десять спать. Только по субботам я разрешал ему смотреть телевизор... Говорят, у таких детей бывает плохой пример... У нас такого быть не могло... Я всегда вбивал Болеку в голову, что нет вещи более святой, чем чужая собственность... Я возглавляю строительно-монтажное управление... Пятнадцать лет безупречной службы...

Все как по учебнику педагогики: и требовательность, и согласие, и родители честные, и пример хороший. Не пил сын, не курил и дурных книжек не читал – а вырос убийцей и грабителем.

Почему?

Почему так? – можем мы спросить вместе с несчастным отцом.

Вот где настоящий детектив. В убийстве служанки инспектор разобрался, но кто разберется в убийстве души? Какой Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, капитан Денисов?

Кто скажет, почему в одних семьях за детьми смотрят, а они вырастают дурными людьми? В других же дети растут как трава, целыми днями во дворе пропадают, до девятого, до десятого класса книгу в руки не берут – в футбол гоняют, а потом вырастают прекрасными людьми, достигают уважения и положения – я знаю такие случаи. Почему это – девочке показывают пример трудолюбия, отец с матерью не разгибаются, «чертоломют», как сказано о них в газете, а дочка наберет в подол огурцов – и на весь день на речку? А вон у мальчика мать на двух работах, за сыном не смотрит, но он весь дом тянет, он и в магазин, он и пол помоеет, он и ужин маме готовит, оладьи печь научился. В этой семье девочке до замужества не давали к венику прикоснуться, тряпочки не постирала, а после свадьбы оказалась прекрасной хозяйкой, любит дом, чистота у нее, все вовремя, все быстро, все с любовью. А эту только и делали что приучали к труду, а она и посуду не моет, ненавидит она скучную работу... Этого ребенка баловали – он и вырос бездельником, лентяем, капризничает, изводит мать. А этого баловали – вырос добрый, серьезный мальчик с развитым чувством ответственности. За этим и папа ходит, и мама, а он растет угрюмым, злым, невежливым, он «спасибо» только после напоминания скажет, а вот соседские мальчик и девочка – на загляденье дети, хотя отец, например, ими не занимается, потому что его и дома-то нет, его то и дело от запоев лечат... Одного держали в строгости – но вырос изверг какой-то, в пятнадцать лет заявил парализованной бабушке, воспитавшей его: «Когда же ты сдохнешь наконец?», но другого тоже в строгости растили, настоящее «авторитарное» воспитание, против которого так ополчаются педагоги, – а вырос честный, справедливый, добрый человек.

Говорят: «Избаловали детей, ни в чем им не отказывают, все у них есть... Вот в наше время...»

Но ведь в прошлые времена люди, бывало, вырастали в такой роскоши, какая и не снилась нашим детям. Иные из прекрасных наших писателей, учителей нравственности, в детстве и ботинки сами не шнуровали себе – у них были няньки и дядьки. А в нищете вырастают и нравственные люди, и безнравственные – хитрые, жадные, слабодушные, завистливые... Где же закономерность?

Перед каждым ребенком, когда он подрастает, широкий веер хороших и дурных примеров, однако одни дети почему-то учатся у хороших людей, а к другим всякая грязь так и липнет. Отчего так?

5

Педагогическая наша вера сложилась очень давно и передавалась из поколения в поколение. Она сложилась в условиях, когда действовала безотказно – иначе она не выжила бы.

Века и века было одно, и вдруг стало совсем другое – настоящая революция в педагогических обстоятельствах, которую многие из нас не заметили и не могли заметить. Вера – прежняя, здравый смысл – прежний, но условия в последние десятилетия изменились до неузнаваемости. В этом и разгадка почти всех педагогических загадок.

Жизнь несколько подшутила над последними поколениями родителей: условия воспитания она дала новые – и так незаметно, что не с чем и сравнить, невозможно и заметить эту новизну, – а веру оставила старую, потому что для выработки новой нужны поколения и поколения.

Произошло несовпадение обстоятельств и взглядов, особенно опасное тем, что мы его не замечаем и не можем заметить.

6

Педагогическая вера, живущая в нас, прежде подкреплялась и соответствующей педагогической силой, авторитетом родителей, который поддерживался государством, общественным мнением, религией, угрозами лишить наследства – при жизни, лишить раю – после смерти. Но если всей этой поддержки не хватало и угроз не хватало, то для поддержания авторитета без зазрения совести прибегали к физическим наказаниям.

Образ воспитания отвечал образу жизни.

Наша педагогическая вера сложилась в те времена, когда считалось необходимым бить ребенка за дурное поведение и непослушание.

Родителям не только разрешали бить детей, а принуждали, заставляли бить: «Учи ребенка, пока он поперек лавки лежит». Но лежащий поперек лавки ребенок слов не понимает. Известный английский философ-педагог Джон Локк писал в XVII веке в книге «Мысли о воспитании»: «Упрямство и упорное неповиновение должны подавляться силой и побоями: ибо против них нет другого лекарства... Одна из моих знакомых, разумная и добрая мать, принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высечь восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собственно говоря, пустой и безразличной вещи. И если бы она бросила дело раньше, остановилась бы на седьмом сечении, дитя было бы испорчено навсегда и безуспешные побои только бы укрепили ее упрямство, которое впоследствии весьма трудно было бы исправить». Далее Локк советовал бить детей до тех пор, пока они не замолчат, пока вы «не убедитесь, что подчинили их душу».

По всем представлениям прошлого, человек (и ребенок) настолько зол, что его необходимо держать в страхе, иначе он будет считать, что ему «все дозволено». Считалось, что поведение человека определяется дозволением, что человек живет в рамках между дозволенным и недозволенным, что его поведение регулируется не изнутри его, а только извне – родителями, государством, религией, – и только страхом.

Из такого представления естественно вытекала необходимость устрашающего наказания. Если бы мы узнали, что в такой-то школе учителя бьют детей, мы постарались бы отдать сына в другое заведение. А сто лет назад крестьяне поначалу не отдавали детей в яснополянскую школу Л.Н.Толстого именно по той причине, что в ней не бьют детей – и, значит, не смогут научить. Пустая трата времени, баловство. Люди в самом деле не представляли себе, как можно научить ребенка чему-нибудь и воспитать его, если не бить.

То обстоятельство, что мы с вами, читатель, не хотим, чтобы наших детей били в школе, означает и глубочайший переворот в сознании людей, полную смену представлений о человеке и его природе. Переворот, происшедший незаметно для нас, но куда более значительный по своим последствиям, чем самые крупные научные открытия.

Ведь если мы не хотим, чтобы наших детей били и угрожали им битьем, значит, мы с вами верим в то, что человека можно обучить и воспитать без страха, верим в то, что ребенка не нужно, не обязательно держать в страхе, что не страх перед земным и загробным наказанием держит человека в каких-то рамках, движет его поступками, а что-то другое!

Но, исключая из методов воспитания сильные наказания, угрозы, страх перед ними, мы тем самым лишаем всю воспринятую нами систему воспитания какой бы то ни было силы. Те до нас жившие люди были не дураки и не садисты, они знали, что делали. Они били детей, потому что это отвечало их задаче вырастить послушных и отвечало их представлениям о природе человека.

А у нас и задачи другие, и представления другие, мы уже на опыте убедились, что можно растить детей без страха и без суровых наказаний, но продолжаем бить детей – без толку, без пользы, без правила и без закона!

По наследству передалось нам в языке:

– Я тебе задам! Я тебе покажу! Ты у меня узнаешь! Ты у меня получишь! Ты у меня увидишь! Ты у меня дождешься!..

Пойдите в любое место, где много детей с родителями, и вы услышите эту воспитательную музыку. Мы привыкли к ней. Мы бесконечно верим в силу битья. Сотрудник в учреждении хвастает перед коллегами своей дочерью:

– Она у меня кандидат наук. А почему? Потому что я ее с ранних лет лупцевал!

Женщина, слушавшая его, вздохнула:

– Я свою тоже вчера побила. Ну совсем не учится!

А девочке десять лет.

Девятиклассник рассказывает, что только двоих из его товарищей ни разу не били за двойки. «Вложить ума», «проучить» до сих пор означает «избить».

Прежде родителей заставляли бить детей, чтобы не испортить их; теперь испорченным надо считать ребенка, которого бьют родители, – он не понимает слов, и учитель не может справиться с ним.

Мы не те люди, и не те у нас дети, и не то время на дворе, мы не можем бить детей, мы только портим детей битьем.

Нам кажется:

– Нечего мудрить, высечь его как следует, чтобы знал!

Это очень опасное заблуждение, будто можно заменить всю воспитательную работу одной сильной поркой. Невозможно!

Мы читаем нотации, говорим, и наконец приходится признать:

– Моему хоть говори, хоть не говори...

Тогда мы начинаем кричать, и вскоре:

– На моего хоть кричи, хоть не кричи.

Что ж, «нечего мудрить», начинаем бить. Результат предсказать нетрудно:

– Моего хоть бей, хоть не бей...

И мы чувствуем себя бессильными перед ребенком, мы приходим в отчаяние, мы теряем рассудок, видя, как он торжествует над нами, мы понять не можем, отчего это прежде люди били – и у них все было хорошо, а мы бьем – и ничего не получается.

Кошмарное чувство полной несостоятельности, полной беспомощности!

Но если решающей силой того воспитания, которое нам передано, является физическая сила, страх и угрозы и если этой силы не стало, нет ее, хоть жалея, хоть не жалея – нет! – то это значит, что нужно выработать совсем другое представление о воспитании, найти другие силы.

Ведь и дети другие!

7

На каждые условия должно быть свое воспитание.

Воспитание в нужде – одно, в достатке – другое, среди всеобщего достатка – третье. А еще чаще бывает теперь, что родители росли в нужде, а детей им приходится воспитывать в достатке. Воспитание в этом случае возможно лишь тогда, когда к материальной роскоши прибавляется и духовная, но это бывает очень редко. Обычно заботы по достижению достатка вытесняют заботы духовного ряда. Но родителям духовность заменяет их энергия, их успех, их стремление к успеху – какие-никакие, а люди. На долю же детей их не остается ничего – ни духа, ни энергии, ни собственного успеха, и они погибают душой.

При росте, при перемене благосостояния надо быть очень бдительными – как отразится эта перемена на детях?

Не лучше сейчас, не хуже, а по-другому. Но у многих из нас нет даже идеи о том, что воспитание может быть разным, что оно должно меняться.

8

Другими были цели воспитания – другими и возможности родителей.

В прошлые века родители вообще не занимались воспитанием детей в том смысле, в каком мы сейчас понимаем это слово. В обеспеченных семьях были няньки, бонны, гувернантки и гувернеры, мадам и мосье – по пушкинскому «Евгению Онегину». В простых семьях было много детей, и старшие воспитывали младших, нянчили их, ходили за ними.

Но ведь у мамы одна педагогика, у няни – другая, у сестры – третья, у гувернантки – четвертая. А нынешняя мама – и мама, и няня, и мадам, и кухарка, и служанка, да еще она, между прочим, работает...

Обычно думают, будто прежде воспитание было индивидуальным, а теперь стало общественным. Ничего подобного, дело обстоит прямо противоположным образом: было общественным, стало индивидуальным. Прежде ребенка поднимали всем селом или всем двором, он рос на виду у всех, на виду множества соседей – все знали, чей он, и каждый останавливал его, если он дурно вел себя, да и он не мог дерзить взрослым, потому что сталкивался не со взрослыми вообще, а со знакомыми людьми. Ребенок знал, что его все знают, у него было представление о чести семьи, и каждое слово отца подкреплялось не только его, отцовским авторитетом, но и общественным мнением: все отцы говорили своим детям одно и то же. Даже в моем детстве двор, в котором я рос, считался плохим двором – он был проходным. В проходном дворе, считалось, детей воспитывать труднее. Он опаснее для детей, чем обычный двор.

Что же сказать про города без дворов, про микрорайоны, в которых бегают неизвестно чьи дети-анонимы? Общество взрослых никак не влияет на них. Пространство между корпусами полно чужих людей, и все дети – чужие. Да и в коммунальной квартире – не хочу ее хвалить – были свои педагогические достоинства: с соседями не очень-то покапризничаешь. Многие важные требования выставляли соседи, а родители были заступниками – это большая разница. Школьник приходил домой с пятеркой, и мама хвалила его, сосед восхищался, другой сосед посмеивался, а третий говорил, что в детстве он стрелял в отличников из рогатки, – все эти разговоры весьма и весьма полезны. В отдельной квартире, в особой детской комнате жить куда лучше, чем в коммуналке и в одной комнате на восьмерых, но и воспитание должно измениться. То полезное, что давали соседи по квартире и по двору, теперь должны давать мы.

9

И, наконец, последнее: знаете ли вы, сколько времени общаются теперь родители с детьми?

По некоторым данным – двенадцать минут в день! Но это такая цифра, что и верить в нее не хочется. Пусть будет втрое больше – тридцать минут. Полчаса. Полчаса проводит мама с ребенком, да и то она в это время, скорее всего, готовит ужин.

Воспитание в полчаса! Воспитание между прочим!

Включите телевизор, откройте педагогические книги – всюду говорят и пишут, каким должен быть отец, и как играть с детьми, и как развивать их эстетически, и как...

Да кто, кто будет все это делать? Какое там еще эстетическое воспитание в полчаса?

Учительница пожимает плечами:

– Семейное воспитание? Это очень просто! Надо, чтобы детей было много, чтобы родители показывали хороший пример и чтобы они занимались детьми двадцать четыре часа в сутки.

Правильно! Но в половине семей Российской Федерации один ребенок. И не двадцать четыре часа на него у родителей, а тридцать минут... Что толку говорить? Что вздыхать о прошлом?

Надо научиться воспитывать в полчаса, если другого выхода нет; надо отказаться от представлений, созданных в других условиях, и использовать преимущества нового времени.

Все трудно. Но откуда-то берутся же хорошие дети и хорошие люди в наши дни – вон их сколько!

Условия воспитания стали хуже, если его целью является послушание сначала родителям, потом – жизни. Приучать ребенка к послушанию стало почти невозможно. Но условия воспитания сильно улучшились, если целью является самостоятельный человек, – и неправильно было бы не замечать этого и не ценить.

И действительно, огромное большинство людей незаметно для себя, неосознанно, перешли в другую, никем не описанную эффективную педагогическую веру. Она позволяет в новых условиях, пользуясь их преимуществом, растить хороших людей.

10

В этой книге одно действующее лицо – вы, читатель. Вам предстоит совершить важное действие в душе и, отбросив недоумения «как же так?», «ну как же тогда воспитывать?», «ну надо же детей воспитывать!», – неизбежные при смене убеждений, – согласиться с фактом, против которого не возражишь: воспитание в полчаса не может быть таким же, как круглосуточное.

Этот короткий рассказ поразил меня.

Товарищ мой, прекрасный человек, так ответил на вопрос о его воспитании:

– Отец мною совсем не занимался. Но когда бы я среди ночи ни проснулся, я видел щелочку света под дверью его комнаты. Он работал... Вот эта щелочка меня и воспитывала!

Другой мой товарищ, отличавшийся замечательным трудолюбием, готовностью прийти на помощь, когда я спросил, как его воспитывали, только усмехнулся:

– А меня никто не воспитывал... Родителям было не до меня. Мама – врач, отец – адвокат, и каждую ночь будили то маму, то отца – у кого-то беда... Может, эти звонки в дверь воспитывали?

Да ведь и многие очень хорошие люди говорят, что их вовсе не воспитывали, ими не занимались, родителям было некогда, «я рос сам по себе»...

Не воспитывали, не занимались, не обращали внимания – некогда было, а результат получился прекрасным. Само по себе вышло? Нет, видимо, есть какой-то секрет. Как это получается, что щелочка света воспитывает, воспитывают звонки в дверь, фотография отца-солдата – и вовсе не было его в живых, с войны не вернулся, а воспитывал?

А может быть, существует воспитание без воспитания?

11

Много лет назад один юноша прислал письмо, в котором спорил со мной о смысле жизни. Не помню сейчас, в чем состоял спор, но одну строчку из письма я словно вижу перед собой. «Только не приводите примеров, – писал девятиклассник, – примерами можно доказать что угодно».

С тех пор я все читаю глазами храброго школьника и не люблю примеров, особенно в педагогической литературе, и сам стараюсь приводить лишь примеры-модели, лишь такие особые случаи, которые подводят к пониманию общего.

Таким примером-моделью, и притом, пожалуй, наиболее важным во всех размышлениях о домашнем воспитании, стал незначительный случай, произошедший с трехлетним Матвеем.

...Ранним воскресным утром я рассказывал ему на кухне сказку о репке. Честно говоря, мне больше хотелось спать, но мальчик проснулся, и если его не занять, он поднимет на ноги весь дом. Сказку он любил, слушал внимательно, и все было хорошо, пока репку тянул дед, тянула бабка, тянула внучка...

На собаке Жучке мы споткнулись.

Я заметил, что Матвей вовсе не слушает меня, а поднял локти и странно вертит ими, словно собирается взлететь.

Что такое?

И тут я понял, что сижу за столом, облокотясь и подперев голову рукой. Мальчик, подражая мне, хочет сесть таким же чудесным способом, но, увы, не достает локтями до стола, только тшится.

Понимаете? Я думаю, будто рассказываю сказку, учу доброму, а на самом деле я учу его облокачиваться, только и всего.

Снова я должен употребить слово «поразило». Это столкновение между «я думаю, что...» и «на самом деле» поразило меня. Может быть, и на каждом шагу я добиваюсь одного, а происходит что-то другое? И это другое и есть подлинное воспитание?

Учу одному – а научаю другому. Не этим ли объясняется, отчего на одних и тех же сказках вырастают и хорошие, и дурные дети?

12

Я стал присматриваться к отношениям старших и детей.

В кабинет старого, почтенного человека вбежал при мне пятилетний внук хозяина:

– Дедушка, дедушка, посмотри, как я нарисовал!

Дедушка осадил мальчика:

– Разве ты не видишь, что мы разговариваем?

Мальчик сник и послушно вышел из комнаты.

Раньше я сказал бы про себя или вслух: «Ну зачем так грубо», теперь, после истории с «Репкой», я вижу: дедушка дал внуку не один урок, а два. Первый – урок культуры: нельзя прерывать взрослых. Второй – урок нравственного бескультурья: ничего не стоит погасить радость человека, осадить его, пользуясь старшинством, предать. Ведь если бы в комнату столь же бесцеремонно ворвался старый друг, его не осадил бы. Хозяин нашел бы способ не обидеть ни

его, ни гостя. И это было бы по-человечески. С мальчиком же дедушка поступает педагогически – то есть худшим образом.

Мама с девочкой ждут троллейбус, девочка подняла руку к лицу с явным намерением поковырять в носу. Предупредительная мама говорит:

– Врезать тебе? Или сама догадаешься?

Два урока. Урок культуры – не ковыряй в носу, неприлично, и урок бескультурия – «врезать тебе?».

Восьмиклассник хорошо рисует, у него явные способности, он тихий, умный паренек. Но маму заботит, что он горбится, когда сидит за столом. К тому же он не причесывается. Сто раз говорила ему мама: «Не горбись!» – и двести раз: «Причешись!» Горбится и не причесывается. Интеллигентная мама отвела сына к врачу-психиатру: «Что с моим мальчиком? Он болен! Он горбится и не причесывается!»

Два урока. Урок культуры – не горбись, причеся, и урок безжалостности. Поход к врачу, подозрение в психическом заболевании даром не пройдут.

Мама-актриса говорит своей восьмилетней дочери: «Сложи рубашку». – «Сейчас!» – «Я кому сказала?» – «Ну сейчас, сейчас!» – «Сколько раз тебе говорить? Что это такое?» – раскричалась мама и ушла в ванную комнату плакать.

Два урока. Урок культуры – надо убирать вещи! И урок бескультурия, беспомощности, нетерпения.

На каждом шагу сказка и локти, на каждом шагу не один, а два урока.

Но что же делать? Когда я тихо заметил, что не стоило обрывать мальчика, вбежавшего с рисунком, почтенный дедушка крайне удивился. У него лицо вытянулось, плечи вверх пошли, он посмотрел на меня с подозрением – в своем ли уме человек?

– Ну надо же детей воспитывать! – сказал он. – Ребенок должен знать, что дети в разговоры взрослых не вмешиваются!

Конечно, должен! И не должна девочка ковырять в носу, и не должен мальчик горбиться, и должен он причесываться, и должна девочка убирать свои вещи – надо же детей воспитывать!

Есть старинное изречение: «Кораблями управлять необходимо». Точно так же можно сказать: «Детей воспитывать необходимо», нет двух мнений.

Но спросим себя наконец:

– Что значит воспитывать?

Всматривайтесь в детей – поймете себя. Размышляя о мальчике, который не слушает сказку, а, глядя на отца, вертит локтями, я понял, мне кажется, суть воспитания. И вы поймете, читатель, если спросите себя: а что такое эти урок № 1 и урок № 2, которые мы видим в каждом воспитательном событии?

Да это же цель и средства!

13

Воспитывать – значит учить жить, а жить – значит какими-то средствами добиваться каких-то целей. В жизни всё – цели и средства, больше ничего нет. Даже любовь не что иное, как перенос своих целей на другого человека. Все, что я желаю себе, я пылко желаю другому или другим больше, чем себе, – вот что такое любовь.

Цели у всех людей относительно одинаковые, все мы в той или иной степени хотим благополучия, свободы, счастья и здоровья – стремимся если не к блаженству, то к благу.

Но средства для достижения целей бесконечно разнообразны, и все они строго и бесспорно разделяются вопросом «за чей счет?».

О целях, как и о вкусах, можно спорить, о средствах спорить нечего. За чей счет добивается человек своих целей – за свой или за чужой? Здесь граница между нравственностью и безнравственностью.

Все моральные заповеди, все законы, все правила поведения культурного человека сводятся, по сути, к одному: добивайся своих целей, но за свой счет, а не за счет другого. Какими бы значительными ни казались тебе твои цели, не посягай ради них на другого человека, на его жизнь, на его труд, на его покой, на его права, на его личность, на его достоинство, на его интересы, на его вкусы, на его взгляды, на его настроение, на его планы, на его время, на его отдых, на его счастье – не посягай! Не утруждай его, не используй, добивайся своих целей за свой счет, и только за свой – за счет своего труда, своего опыта, своих знаний, своих страданий, своих сил, своего времени, своего имущества, своих способностей, своего мастерства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.